

Александр Эрот

*Сборник
рассказов
только
для
взрослых*

18+

Александр Эрот
Сборник рассказов
только для взрослых
Серия «Эротические истории,
только для взрослых.», книга 24

<https://litres.ru/73533996>

SelfPub; 2026

Аннотация

Погрузитесь в мир запретных желаний и чувственных откровений — перед вами сборник эротических рассказов, где каждая история пробуждает воображение и будит самые сокровенные эмоции.

От нежных и трепетных встреч до страстных, всепоглощающих порывов — эти сюжеты раскроют многогранность человеческой близости и силы влечения. Герои книг переживают моменты, в которых страсть переплетается с искренностью, а жажда ощущений — с глубиной чувств.

Вы окупётесь в атмосферу томного ожидания, головокружительных откровений и смелых экспериментов. Тонкий психологизм соседствует с откровенной чувственностью, а мастерство авторов не оставит вас равнодушным: вы будете

переживать каждое мгновение вместе с героями — застав дыхание и ощущая учащённое сердцебиение.

Этот сборник — приглашение исследовать границы собственных фантазий. Откройте его — и позвольте себе почувствовать то, о чём обычно молчат...

Содержание

Запретная любовь.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Александр Эрот

Сборник рассказов

ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Запретная любовь.

Дверь открылась, и его охватила волна прохлады кондиционера. Но не это заставило его дыхание прерваться.

"Лёша, заходи!" - Максим хлопнул его по плечу, но Алексей уже не слышал друга.

В проеме гостиной, облокотившись о дверной косяк, стояла Она. Анна. Мама Максима, о которой он слышал лишь вскользь - "молодая", "рано родила", "красивая". Эти слова не передавали и сотой доли реальности.

Она была в простом льняном платье песочного цвета, которое облегало бедра с такой естественностью, будто было второй кожей. Босые ноги, загорелые до золотистого оттенка. Волосы, цвета спелой пшеницы, собраны в небрежный пучок, от которого на шею спадали непослушные пряди. Ей было двадцать семь, но в этот момент Алексей понял всю бессмысленность цифр перед лицом такой женственности.

Глядя на её соблазнительную фигуру, его охватила дрожь.

"Мам, это Лёша, мой лучший", - представил Максим.

Анна улыбнулась. Вежливой улыбкой, которой взрослые встречают детей друзей своих детей. Её улыбка была медленной, изучающей, как будто она читала что-то написанное на его лице невидимыми чернилами. Её взгляд давал надежду

"Очень приятно, Алексей", - её голос был низким, бархатистым. Она протянула руку.

Его ладонь встретила её пальцы. Кожа была прохладной, гладкой, но не мягкой - в ней чувствовалась скрытая сила. Прикосновение длилось секунду, но время растянулось, наполнившись тысячью оттенков ощущений. Алексей почувствовал эрекцию, в его жизни такое было впервые.

"Я... я принёс пирог", - выдавил он, чувствуя, как горит лицо.

"Как мило", - Анна взяла коробку, и её пальцы снова коснулись его - на этот раз тыльной стороны ладони. Случайно? Он не был уверен. И тут она увидела бугорок на его штанах. Она посмотрела на него игриво и облизнула губы.

Вечер прошёл в привычном русле - игры на приставке, смех, пицца. Но Алексей ловил себя на том, что его взгляд постоянно возвращается к Анне. Она работала за ноутбуком в углу гостиной, иногда поднимала глаза и встречала его взгляд. И каждый раз в её глазах мелькала та же загадочная игривая улыбка.

Когда он уходил, Анна проводила его до двери. "Заходи

ещё, Алексей. Тебе здесь всегда рады".

Её слова повисли в воздухе, наполненные двойным смыслом, который он боялся расшифровать.

Следующие две недели стали для Алексея временем сладкой пытки. Он приходил к Максиму почти каждый день, находя всё новые предлоги. И каждый раз присутствие Анны наполняло пространство электрическим напряжением, которое, казалось, чувствовал только он.

Однажды, когда Максим ушёл в магазин, Алексей остался на кухне с Анной. Она готовила ужин, её движения были плавными, гипнотическими.

"Поможешь нарезать овощи?" - она протянула ему нож.

Их пальцы соприкоснулись у рукояти. Алексей почувствовал, как по его спине пробежали мурашки.

"Ты часто краснеешь, Алексей", - заметила она, не отрываясь от помидоров.

"Я.... это..."

"Это мило", - закончила она за него. Повернулась, оперлась о столешницу. Платье приподнялось, открыв несколько сантиметров бедра. "Знаешь, в твоём возрасте стеснительность - редкое качество. Большинство парней стараются казаться круче, чем есть".

У него опять начала появляться эрекция, он решил не прятать её.

Он чувствовал, как её взгляд скользит по его лицу, шее, груди, о останавливается у него между ног. Как будто она

раздевала его глазами.

"Мне нравятся искренние люди", - добавила она тише, и в её голосе появились новые, тёплые нотки. Она сглотнула слюну, и как будто случайно несколько раз задела его возбуждение рукой. Его эрекция встала в боевое положение.

"Как я соскучилась по такой реакции", и засунула руку себе под халат, ритмично двигая в самом нежном месте.

Алексей засмутился и убежал в ванну, чтобы снять там напряжение. Когда он уже достиг пика удовольствия, он увидел, что Анна наблюдает за ним.

Алексей покраснел и пулей помчался домой.

В другой раз они случайно столкнулись в узком коридоре. Анна шла из ванной, завернутая в полотенце, которое обхватывало её от груди до бёдер. Мокрые волосы спадали на плечи, капли воды скатывались по ключицам, исчезая в тени между грудями.

"Ой, извини", - она сделала шаг назад, но не спешила уходить.

Алексей замер, не в силах отвести взгляд от капли, которая медленно ползла по её шее.

"Не стоит извиняться", - его голос звучал хрипло.

Она улыбнулась, и в её глазах вспыхнул огонёк. "Ты такой вежливый. Редко встретишь таких в восемнадцать".

Полотенце слегка сползло, открыв больше кожи. Алексей видел, как под тонкой тканью вырисовываются контуры её тела. Его руки сжались в замок, чтобы скрыть растущую

эрекцию.

"Мне нужно... переодеться", - сказала она, но не двигалась ещё несколько секунд, давая ему возможность рассмотреть, запомнить.

Когда дверь её спальни закрылась, Алексей прислонился к стене, чувствуя, как колотится сердце. Он понимал, что это игра. Опасная, восхитительная игра. И он был готов проиграть.

Суббота. Максим уехал на выходные к родственникам в другой город. Алексей знал это, но всё равно набрал номер.

"Привет, это Лёша. Макс дома?"

"Нет, он уехал до воскресенья", - голос Анны звучал в трубке так близко, будто она шептала ему на ухо. "А что случилось?"

"Да так... хотел учебник взять".

Пауза. Затем: "Приходи. Я дома".

Когда он вошел в квартиру, его встретила непривычная тишина. Анна стояла у окна в гостиной, освещённая закатным солнцем. На ней было то же льняное платье, но на этот раз оно казалось ещё более простым, ещё более откровенным в своей простоте.

"Садись", - она указала на диван. "Чай?"

Он кивнул, не в силах вымолвить слово. Анна вышла на кухню, и он слышал звук льющейся воды, звон чашек. Когда она вернулась, то села не в кресло напротив, а рядом с ним на диван. Ближе, чем нужно. Достаточно близко, чтобы он

чувствовал тепло её тела.

"Ты часто думаешь о том, что между нами?" - спросила она внезапно, без предисловий.

Алексей поперхнулся чаем. "О чём... между нами?"

"О возрасте. О том, что я мама твоего друга". Она поставила чашку, повернулась к нему. Колени их почти соприкасались. "Это тебя смущает?"

"Да... нет... я не знаю".

"Правда?" - она наклонилась ближе. Её парфюм - что-то с нотками сандала и апельсина - окутал его. "Мне кажется, ты знаешь. Ты просто боишься признаться".

Её рука легла на его колено. Сначала просто касание, затем пальцы начали рисовать медленные круги по джинсовой ткани. Алексей почувствовал, как всё его тело напряглось в ответ.

"Анна, я..."

"Тихо", - она приложила палец к его губам. "Не говори. Покажи".

И тогда случилось то, чего он боялся и жаждал одновременно. Она наклонилась, и её губы коснулись его. Сначала легко, пробуя. Затем сильнее, увереннее.

Её губы были мягче, чем он мог представить. И слаще. Вкус чая с мёдом смешался с чем-то неуловимо женственным, сугубо её. Алексей замер, парализованный страхом и желанием.

"Расслабься", - прошептала она между поцелуями. Её ру-

ки поднялись к его лицу, пальцы вплелись в волосы. "Дай себе это почувствовать".

Он позволил. Позволил губам ответить, позволил языку коснуться её губ, позволил рукам найти её талию. Ткань платья была тонкой, под ней он чувствовал тепло кожи, изгибы тела.

Анна издала тихий звук - не то вздох, не то стон - и прижалась к нему сильнее. Её грудь уперлась в его, и через тонкую ткань он почувствовал упругость. Его собственное тело отозвалось немедленно, яростно.

Она откинулась назад, увлекая его за собой, пока он не оказался над ней на диване. Её глаза смотрели на него снизу вверх, тёмные, расширенные.

"Ты хочешь этого?" - спросила она, и её голос звучал хрипло от желания.

"Да", - выдохнул он, и это было чистойшей правдой.

Её руки скользнули под его футболку, ладони прижались к животу, затем поднялись к груди. Её прикосновения были уверенными, знающими, как будто она читала карту его тела, написанную на языке, который знала с рождения.

"Ты такой... красивый", - прошептала она, и её пальцы гладили контуры его мышц. "Сильный. И такой нерешительный. Эта комбинация... сводит с ума".

Она приподнялась, чтобы снова поцеловать его, и на этот раз поцелуй был глубже, влажнее. Её язык исследовал его рот с неторопливой уверенностью, и Алексей ответил тем

же, открываясь, отдаваясь.

Её руки опустились к его джинсам, ладонь прижалась к уже явной выпуклости. Алексей вздрогнул, застонал закрывая глаза.

"Вот видишь", - она улыбнулась против его губ. "Твоё тело умнее тебя. Оно знает, чего хочет".

Она начала расстёгивать его джинсы, медленно, с мучительной неторопливостью. Каждая кнопка открывалась со щелчком, который звучал громче выстрела. Алексей чувствовал, как его сердце колотится где-то в горле, как кровь пульсирует в висках.

И в этот момент зазвонил телефон.

Анна замерла, её рука остановилась на последней кнопке. Звонок был настойчивым, требовательным.

"Это Максим", - сказала она, глядя на экран. Её голос вернулся к нормальному тембру, но в нём дрожала лёгкая дрожь.

Она отстранилась, поправила платье. Алексей сел, чувствуя, как реальность возвращается с жестокой скоростью.

"Привет, сынок", - она ответила на звонок, и её голос снова стал голосом матери. Той, которая спрашивает, как дорога, поел ли он.

Алексей встал, застёгивая джинсы дрожащими пальцами. Он поймал её взгляд, и в её глазах он увидел то же, что чувствовал сам: разочарование, незавершённость, обещание.

"Да, Лёша здесь", - сказала она в трубку, не отрывая от

него глаз. "За учебником зашёл. Да, передам".

Она положила трубку. Тишина снова наполнила комнату, но теперь она была другой - насыщенной тем, что почти случилось, и тем, что ещё может случиться.

"Мне нужно идти", - сказал Алексей, хотя каждая клетка его тела кричала остаться.

Анна подошла к нему, положила руку ему на грудь. Через футболку он чувствовал тепло её ладони.

"Завтра", - прошептала она. "Приходи завтра. Максим вернётся только вечером".

Она поднялась на цыпочки, поцеловала его в уголок губ. Быстро, нежно. "И не думай слишком много. Просто чувствуй".

Когда дверь закрылась за ним, Алексей прислонился к стене на лестничной площадке. Его тело всё ещё горело, губы всё ещё помнили её вкус. Он понимал, что пересёк черту, из-за которой нет возврата. И самое удивительное - он не хотел возвращаться.

Внизу, в кармане, завибрировал телефон. Сообщение от Анны: "Завтра в 3. Жду".

Он улыбнулся в темноте. Завтра. У него было целых восемнадцать часов, чтобы ждать. И целая жизнь, чтобы помнить этот первый поцелуй, который пах сандалом, апельсином и обещанием греха.

Следующий день тянулся с мучительной медлительностью. Каждая минута была наполнена ожиданием, каждая се-

кунда - воспоминанием о её губах, её прикосновениях, её запахе. Алексей смотрел на часы, как заключённый считает дни до освобождения.

В три часа он стоял у её двери, чувствуя, как сердце пытается вырваться из груди. Дверь открылась почти сразу, как будто она ждала за ней.

"Ты пришёл", - сказала Анна, и в её голосе звучало удовлетворение, смешанное с лёгким вызовом.

Она была в чём-то новом - лёгком сарафане из струящейся ткани, который обвивал её тело, подчёркивая каждый изгиб, но не облегая слишком явно. Искусство соблазна, подумал Алексей, - показывать, но не показывать всего.

"Входи", - она отступила, пропуская его.

Квартира была погружена в полуденную дремоту. Жалюзи были опущены, создавая полосатую игру света и тени. Воздух был прохладным, пахло свежесваренным кофе и чем-то цветочным - может, пионами.

"Я приготовила кофе", - сказала она, ведя его на кухню. - "Или ты предпочитаешь что-то другое?"

"Кофе отлично", - ответил он, хотя в этот момент ему было всё равно, что пить. Его интересовало только то, что будет после.

Они сидели за кухонным столом, и тишина между ними была иной, чем вчера. Тогда она была напряжённой, неловкой. Сегодня - насыщенной обещаниями, как воздух перед грозой.

"Ты думал о вчерашнем?" - спросила она, проводя пальцем по краю чашки.

"Я не думал ни о чём другом", - признался он.

Она улыбнулась - медленно, как кошка, потягивающаяся на солнце. "И что ты решил?"

"Что я хочу продолжения".

Слова вырвались сами, без обдумывания, и он почувствовал облегчение, сказав их вслух.

Анна встала, подошла к окну. Свет, пробивающийся сквозь жалюзи, рисовал на её лице и шее полосатый узор. "Это опасно, Алексей. Ты понимаешь?"

"Да".

"Максим - твой лучший друг".

"Я знаю".

"И всё равно?"

"И всё равно".

Она повернулась к нему. Её глаза в полумраке казались почти чёрными. "Тогда давай установим правила. Никогда, слышишь, никогда, когда Максим дома. Никаких намёков, никаких взглядов. Мы встречаемся только тогда, когда он далеко. И если ты когда-нибудь почувствуешь, что не можешь продолжать - скажи мне. Без объяснений, без оправданий. Просто скажи".

"Я согласен", - сказал он, хотя в глубине души знал, что никогда не скажет "стоп". Не теперь, когда попробовал её вкус.

Она подошла к нему, взяла его лицо в ладони. "Ты уверен? Последний шанс отступить".

Вместо ответа он поцеловал её. Нежно сначала, затем со всей страстью, которая копилась в нём эти долгие часы ожидания. Она ответила тем же, её руки обвились вокруг его шеи, тело прижалось к его.

"Хорошо", - прошептала она, отрываясь от его губ. "Тогда начнём".

Она взяла его за руку и повела не в гостиную, а в свою спальню. Комната была залита мягким светом, пахло её духами и свежим бельём. Большая кровать с белоснежным покрывалом занимала центр комнаты.

Алексей замер на пороге, внезапно охваченный сомнениями. Он был неопытен. У него было несколько неуверенных попыток с девушками из школы, но это... Это было другое. Это была женщина, которая знала, чего хочет, и знала, как этого добиться.

"Боишься?" - спросила она, стоя перед кроватью.

"Немного".

"Не бойся", - она подошла к нему, начала расстёгивать его рубашку. Каждая кнопка открывалась под её пальцами с лёгким щелчком. "Я научу тебя. Я покажу тебе всё".

Рубашка упала на пол. Её руки скользнули по его груди, животу, спине. Её прикосновения были изучающими, но не холодно-клиническими. Она словно читала его тело, как книгу, запоминая каждую главу.

"Ты прекрасен", - прошептала она. "Такая юность. Такая сила".

Она сняла с себя сарафан одним плавным движением. Под ним не было ничего. Ничего, кроме её кожи, загорелой до золотистого оттенка, и нескольких родинок, разбросанных, как созвездия.

Алексей задохнулся. Он видел её почти обнажённой вчера, но это... Это было иное. Она стояла перед ним во всей своей наготе, не стыдясь, не прикрываясь. Красивая женская фигура, и приятный аромат ввёл его в ступор.

"Подойди", - сказала она.

Он подошёл, и она начала расстёгивать его джинсы. На этот раз без прерываний. Молния пошла вниз, ткань упала на пол. Он стоял перед ней полностью обнажённый, чувствуя, как стыд борется с гордостью в его груди.

Её руки обняли его, притянули к себе. Кожа к коже, тепло к теплу. Алексей почувствовал, как всё его существо вздрагивает от этого контакта. Её грудь прижалась к его груди, бедра к бёдрам.

"Ляг", - прошептала она, направляя его к кровати.

Он лёг, и она последовала за ним, оказавшись сверху. Её волосы рассыпались по его лицу, пахнущие шампунем и чем-то ещё, сугубо её. Она начала целовать его - сначала губы, затем шею, грудь. Её губы были тёплыми, влажными, её язык оставлял влажные следы на его коже. Он застонал.

"Тише", - улыбнулась она, глядя на него снизу вверх. "Со-

седи слышат".

Она отпустила его, поднялась, чтобы поцеловать его в губы. "Не сейчас. Не так быстро".

Мгновение сопротивления, затем погружение. Тепло, теснота, совершенство. Алексей зажмурился, пытаясь удержать это ощущение в памяти навсегда.

"Двигайся", - прошептала она, и её голос звучал хрипло от наслаждения.

Он начал двигаться, сначала неуверенно, затем, следуя её ритму, увереннее. Она двигалась вместе с ним, её бёдра встречали его толчки, её руки впились в его плечи.

Это было не так, как в его фантазиях. Это было лучше. Глубже. Настоящее. Каждый толчок открывал новые ощущения, каждый стон, который она издавала, заставлял его двигаться сильнее, глубже.

Он чувствовал, как нарастает волна, чувствовал, как её тело сжимается вокруг него. Она закричала - тихо, сдавленно, - и её ногти впились в его кожу. Это стало последней каплей. Он, крича её имя, чувствовал, как мир взрывается в миллионе искр.

Они лежали, дыша в унисон, её голова на его груди.

"Ну что?" - спросила она наконец. "Как твоё первое настоящее?"

"Невероятно", - выдохнул он. "Я не знал, что так может быть".

Она подняла голову, посмотрела на него. "Это только начало, Алексей. Только начало".

Следующие недели стали для Алексея временем открытий. Они встречались, когда Максим был на тренировках, у друзей, на дополнительных занятиях. Каждая встреча была уроком - уроком любви, уроком тела, уроком женщины.

Анна была терпеливым, но требовательным учителем. Она показывала ему, как касаться, как целовать, как читать язык тела. Она открывала ему мир ощущений, о котором он и не подозревал.

"Здесь", - говорила она, направляя его руку. "Медленнее. Нежнее. Чувствуешь, как я реагирую?"

Он чувствовал. Чувствовал, как её тело отвечает на его прикосновения, как её дыхание учащается, как кожа покрывается мурашками. Он учился читать её, как она читала его.

И не только тело. Они говорили. Долгие разговоры после любви, лежа в постели, её голова на его груди. Она рассказывала о своей жизни - о ранней беременности, о сложных отношениях с отцом Максима, о том, как она строила карьеру, будучи молодой матерью.

"Я была не готова", - призналась она как-то вечером. "Мне было девятнадцать. Я только поступила в институт. И вдруг - ребёнок. Я думала, что жизнь кончена".

"А сейчас?"

"Сейчас я понимаю, что это было началом. Началом меня - настоящей. Не той девочки, которой я была, а женщины,

которой я стала".

Алексей слушал, и с каждым словом он понимал её всё лучше. Она была не просто соблазнительной женщиной, не просто матерью его друга. Она была сложной, многогранной личностью, со своими страхами, мечтами, сомнениями.

И он сам менялся. Уверенность, которую он обретал в её постели, перетекала в повседневную жизнь. Он стал спокойнее, увереннее в себе. Друзья замечали, девушки в школе стали смотреть на него иначе.

Но для него существовала только она. Только её губы, её руки, её тело. Только те часы, когда они могли быть вместе, не боясь быть обнаруженными.

Однажды днём, когда Максим должен был быть на занятиях до вечера, Алексей пришёл к Анне. Она встретила его на кухне, где готовила обед.

"Он ушёл всего час назад", - сказала она, целуя его. "У нас целый день".

"Целый день", - повторил он, обнимая её за талию.

Они завтракали, смеясь, обмениваясь поцелуями между глотками кофе. Потом перебрались в гостиную, где смотрели фильм, её голова у него на плече, его рука на её бёдрах.

"Знаешь, что я хочу?" - прошептала она на ухо, когда на экране началась любовная сцена.

"Что?"

"Я хочу тебя. Здесь. Сейчас".

Она повернулась к нему, начала расстёгивать его джинсы.

Алексей замер, слушая. Квартира была тихой, но за стеной слышались звуки - лифт, шаги на лестнице.

"Анна, может, в спальню..."

"Нет", - она улыбнулась, и в её глазах вспыхнул озорной огонёк. "Здесь. На полу. Пока есть возможность".

Она стянула с него джинсы, затем сняла своё платье. Под ним не было белья. Она уже была готова.

"Встань", - попросила она, поднимаясь.

Он встал, и она прижала его к стене. Её губы нашли его, её руки обвились вокруг его шеи.

Он обнял её, прислонив её к стене. Анна застонала, её руки впились в его спину.

"Быстрее", - прошептала она. "Сильнее".

Он повиновался, двигаясь с новой силой. Стена за её спиной слегка дрожала от их движений. Картина на стене качалась. Где-то в соседней квартире заиграла музыка.

Алексей чувствовал, как нарастает волна, но пытался сдержаться. Хотел продлить этот момент, это рискованное, восхитительное соединение.

"Да, вот так... ещё... не останавливайся..."

Он почувствовал, как её тело сжимается вокруг него, как она, сжалась крича в его плечо, чтобы заглушить звук.

Они стояли так несколько мгновений, дыша в унисон. Потом раздался звук ключа в замке.

Алексей замер. Анна открыла глаза, широкие от ужаса.

Максим, прошептала она.

Они отпрянули друг от друга, начали судорожно одеваться. Алексей натягивал джинсы, Анна набрасывала платье. Звук поворачивающегося ключа становился громче.

"Ванная", - шикнула Анна, толкая его в сторону коридора.

Алексей вбежал в ванную, закрыл дверь. Сердце колотилось так сильно, что он боялся, его услышат через стену.

Из гостиной донёсся голос Максима: "Мам, ты дома?"

"Да, сынок", - голос Анны звучал ровно, только слегка хрипло. "Я... я прилегла отдохнуть. Голова болела".

"А Лёша не приходил? Он сказал, что зайдёт".

"Нет, не приходил. Может, позже".

Алексей прислонился к двери, чувствуя, как пот стекает по спине. Он был в ловушке. Ванная была без окон. Выход был только через гостиную.

Он слышал, как Максим прошёл на кухню, открыл холодильник. Слышал, как Анна говорит что-то о том, что пойдёт в магазин. Слышал, как дверь закрылась за ними обоими.

Только тогда он осмелился выйти. Квартира была пуста. Он быстро прошёл в прихожую, надел обувь, вышел на лестничную площадку.

На улице он прислонился к стене, чувствуя, как дрожь проходит по всему телу. Это было слишком близко. Слишком опасно.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Анны: "Прости. Моя вина. Больше так не будем".

Он набрал ответ: "Я тоже хотел. Не жалею".

Правда. Он не жалел. Даже сейчас, когда адреналин ещё гулял по венам, он не жалел. Потому что эти недели с ней были самыми яркими в его жизни. И потому что знал – он уже не может отступить.

Опасность только подогревала желание. И он был готов рискнуть снова. Ради неё. Ради них.

Прошло два месяца с того дня, когда Алексей впервые переступил порог квартиры Анны. Два месяца тайных встреч, украденных моментов, лжи Максиму. Два месяца, которые изменили Алексея до неузнаваемости.

Он стал другим человеком. Более уверенным, более осознанным, более... мужчиной. Девушки в школе замечали это изменение, но не понимали его причину. Максим тоже замечал, но приписывал это "взрослению".

"Ты как-то... повзрослел что ли", - сказал он как-то на тренировке. "Стал серьёзнее".

"Просто жизнь", - уклончиво ответил Алексей, чувствуя укол вины.

Вины, которая стала его постоянным спутником. Она жила в нём, как тень, появляясь в самые неожиданные моменты. Когда Максим рассказывал ему о своих проблемах с девушкой. Когда они вместе смеялись над старыми шутками. Когда Максим говорил: "Ты же мой лучший друг, ты меня всегда поймёшь".

Алексей понимал. Понимал слишком хорошо. Понимал, что предаёт этого человека, который доверял ему больше

всех на свете. И всё равно продолжал.

Потому что Анна стала для него воздухом. Без неё он задышался. Без её прикосновений, её поцелуев, её тела рядом с ним он чувствовал себя неполным. Она открыла ему мир чувственности, и теперь он не мог жить без этого мира.

И она тоже менялась. Стала мягче, чаще улыбалась. Максим замечал: "Мам, ты какая-то... счастливая в последнее время".

"Просто весна", - отвечала она, но её глаза встречались с глазами Алексея через стол, и в них вспыхивало понимание.

Опасная игра продолжалась. Они стали осторожнее после того случая в гостиной, но не прекратили встреч. Просто стали изобретательнее. Встречались в парках, в кафе в других районах, однажды даже сняли номер в отеле на окраине города.

Каждая встреча была как наркотик - давала кайф, но требовала следующей дозы. И с каждой дозой риск становился выше.

Однажды вечером, когда Максим уехал с друзьями на выходные на дачу, Алексей пришёл к Анне. Они ужинали при свечах, пили вино, говорили о будущем - о том, что будет через год, через пять лет.

"Я не знаю, что будет", - призналась Анна, глядя на пламя свечи. "Я знаю только, что не могу так продолжать вечно".

"Что ты имеешь в виду?"

"Я имею в виду, что это не может длиться вечно. Рано или

поздно Максим узнает. Или ты устанешь от этой тайны. Или я...."

Она не договорила, но он понял. Или она влюбится по-настоящему. Или он влюбится. Или они оба.

"А что, если..." - начал он, но она перебила:

"Не надо. Не надо строить планы. Давай просто будем здесь и сейчас. Сегодня ночью. Завтра будет завтра".

Она встала, протянула ему руку. "Пойдём. У меня есть идея".

Она повела его не в спальню, а на балкон. Балкон был небольшим, застеклённым, с видом на ночной город. Она расстелила на полу толстый плед, принесла подушки.

"Здесь", - сказала она. "Под звёздами. Ночным городом. Чтобы запомнить".

Они разделись медленно, не торопясь, как будто совершая ритуал. Каждый предмет одежды падал на пол с тихим шорохом. Свет города рисовал на их телах причудливые узоры - оранжевые от фонарей, синие от неоновых вывесок, белые от луны.

Анна легла на плед, протянула к нему руки. "Подойди".

Алексей опустился рядом с ней, начал целовать её. Нежно, почтительно, как будто боялся сломать этот момент. Её губы отвечали ему с той же нежностью, её руки скользили по его спине и плечам.

"Сегодня я хочу, чтобы ты сделал всё сам", - прошептала она. "Без моих подсказок. Покажи мне, чему ты научился".

Он начал с её губ, затем перешёл к шее, к ключицам. Его губы скользили по её коже, оставляя влажные следы. Его руки ласкали её, губы изучали её прекрасное тело.

"Да... вот так..."

Её запах ударил ему в нос - знакомый, возбуждающий, неповторимый. Он провёл языком по её складкам, почувствовал, как она вздрагивает.

"Алексей... да..."

Он продолжил, следуя тому, чему она научила его. Медленно сначала, затем быстрее. Языком, губами. Она двигалась под ним, её стоны становились громче, её руки вцепились в его волосы.

"Я... я сейчас..."

Он не останавливался, пока она не достигла пика, крича в подушку, чтобы заглушить звук. Её тело выгнулось дугой, затем обмякло.

Он поднялся, посмотрел на неё. Её глаза были закрыты, губы приоткрыты, грудь быстро вздымалась.

"Смотри на меня", - сказала она. "Всегда смотри на меня, когда мы любим друг друга. Хочу видеть твои глаза".

Он смотрел. Смотрел, как её лицо меняется с каждым движением. Как губы приоткрываются, как глаза закатываются, как брови сдвигаются от наслаждения. Смотрел и чувствовал, как что-то щёлкает внутри него.

Это было не просто физическое удовольствие. Это было... соединение. Душевное, эмоциональное, духовное. Он видел

её - настоящую, без масок, без защит. И она видела его.

Он почувствовал, как нарастает волна, но пытался сдержаться. Хотел продлить этот момент, это единение.

"Не сдерживайся", - прошептала она. "Дай мне всё".

Они лежали, обнявшись, глядя на звёзды сквозь стекло. Город шумел где-то внизу, но здесь, на их маленьком острове, была тишина.

"Я люблю тебя", - сказал он.

Слова вырвались сами, без обдумывания. Он не планировал говорить их, но они пришли, как приходит дыхание - естественно, неизбежно.

Анна замолчала. Долго молчала. Потом повернулась к нему, и в её глазах были слёзы.

"Не надо", - прошептала она. "Не говори этого".

"Но это правда. Я люблю тебя".

"Это невозможно. Ты - мальчик. Я - женщина, у которой есть сын. Твой лучший друг".

"Я знаю. И всё равно люблю".

Она заплакала. Тихими, сдавленными рыданиями, которые разрывали его сердце. Он обнял её, прижал к себе.

"Что мы наделали?" - прошептала она. "Что я наделала?"

На следующее утро Алексей ушёл рано, пока Максим ещё не вернулся. Анна провожала его до двери, её лицо было бледным, глаза опухшими от слёз.

"Нам нужно остановиться", - сказала она. "Пока не поздно".

"Я не могу".

"Должен. Ради Максима. Ради себя. Ради меня".

Он хотел возразить, но увидел в её глазах решимость и понял - спорить бесполезно. Она приняла решение.

"Хорошо", - сказал он. "Если ты так хочешь".

"Я не хочу. Я должна".

Он ушёл, чувствуя, как мир рушится вокруг него. Два месяца счастья - и всё кончено. Из-за трёх слов. "Я люблю тебя".

Он не видел её неделю. Не звонил, не писал. Максим звал его в гости, но он отказывался под разными предлогами. Не мог видеть её. Не мог видеть место, где они были счастливы.

А потом, в пятницу вечером, когда он сидел дома и пытался делать уроки, раздался звонок в дверь. Он открыл - на пороге стоял Максим. Лицо его было бледным, глаза горели.

"Мы должны поговорить", - сказал он, и в его голосе звучало что-то, от чего у Алексея похолодело внутри.

"Что случилось?"

"Дома. Только мы вдвоём".

Они пошли в комнату Алексея, закрыли дверь. Максим сел на кровать, опустил голову в руки.

"Я нашёл", - сказал он наконец.

"Что ты нашёл?"

"Презервативы. В мусорном ведре в ванной. Не мои. Не её обычной марки".

Алексей почувствовал, как земля уходит из-под ног. "Мо-

жет, у неё кто-то..."

"Я проверил телефон", - перебил Максим. Его голос дрожал. "Сообщения. От тебя".

Тишина повисла в комнате, густая, тяжёлая, как свинец. Алексей не мог дышать. Не мог говорить. Не мог думать.

"Это правда?" - спросил Максим, поднимая голову. Его глаза были полны боли, гнева, предательства. "Ты... с моей матерью?"

Алексей молчал. Что он мог сказать? Отрицать? Максим уже всё знал. Признаться? Разрушить всё окончательно?

"Отвечай, сука!" - Максим вскочил, схватил его за грудки. "Отвечай мне!"

"Да", - выдохнул Алексей. "Да, это правда".

Удар пришёл неожиданно. Кулак Максима врезался ему в челюсть, отбрасывая к стене. Боль вспыхнула яркой звездой, в ушах зазвенело.

"Ты... ты... как ты мог?" - Максим бил его снова и снова. По лицу, по груди, по животу. Алексей не сопротивлялся. Заслужил. Заслужил каждую боль, каждый удар.

"Я тебе доверял! Ты был как брат! А ты... с моей матерью!"

Удары прекратились так же внезапно, как и начались. Максим отступил, дыша тяжело. Его кулаки были в крови - крови Алексея.

"Всё кончено", - сказал он. Его голос был холодным, как лёд. "Ты больше не мой друг. Ты больше никто для меня. И если я увижу тебя рядом с ней - убью. Понял?"

Алексей кивнул, вытирая кровь с губ.

Максим повернулся, ушёл, хлопнув дверью. Алексей остался сидеть на полу, чувствуя, как боль пронизывает каждую клетку его тела. Но физическая боль была ничто по сравнению с той, что разрывала его изнутри.

Он потерял всё. Друга. Любовь. Себя.

На следующий день, когда родители Алексея были на работе, раздался звонок в дверь. Он открыл - на пороге стояла Анна.

Она выглядела ужасно. Бледная, с тёмными кругами под глазами, в простых джинсах и футболке, без макияжа.

"Можно войти?" - её голос звучал хрипло.

Он пропустил её. Они прошли в его комнату. Она увидела его лицо - синяк под глазом, разбитую губу, ссадины на щеке.

"Боже мой... что он с тобой сделал?"

"То, что я заслужил".

Она заплакала. "Прости. Это всё я. Вся вина на мне".

"Нет. Я тоже хотел. Я тоже выбирал".

Она села на кровать, он сел рядом. Не касаясь друг друга. Как будто между ними выросла невидимая стена.

"Он ушёл", - сказала она. "К отцу. Сказал, что не вернётся, пока я не исправлюсь".

"Анна..."

"Не надо. Не надо меня жалеть. Я знала, на что иду. Знала, чем это может закончиться".

Она повернулась к нему, взяла его руку. "Слушай меня

внимательно. Это конец. Навсегда. Мы больше не увидимся. Не будем общаться. Не будем даже думать друг о друге".

"Я не могу просто..."

"Должен. Ради него. Ради тебя. Ради меня". Она сжала его руку. "Ты молод. У тебя вся жизнь впереди. Ты встретишь девушку, полюбишь, создашь семью. И когда-нибудь, через много лет, ты вспомнишь эту историю как... как красивую, грустную сказку. Как что-то, что было, но прошло".

"А ты?"

"Я? Я буду жить с этим. С тем, что предала собственного сына. С тем, что разрушила его дружбу. Это мой крест. И я понесу его".

Она встала, подошла к двери. Остановилась, обернулась.

"Я хочу, чтобы ты знал одну вещь", - сказала она. "Эти два месяца были самыми счастливыми в моей жизни. После Максима. Ты подарил мне то, чего у меня не было много лет. Ты подарил мне молодость. Страсть. Любовь. Спасибо тебе за это".

"Я люблю тебя", - сказал он снова. Потому что это была правда. И потому что больше нечего было сказать.

Она улыбнулась - печально, нежно. "И я тебя. Просто... по-другому. По-взрослому".

Она ушла. Он слышал, как закрывается дверь, как её шаги стихают на лестнице. Слышал, как в его жизни наступает тишина.

Эпилог - Год спустя.

Алексей сидел в кафе университета, пил кофе и готовился к экзамену. Прошёл год с той ночи, когда Максим узнал правду. Год, который изменил всё.

Он поступил в университет в другом городе. Уехал, чтобы начать заново. Чтобы не видеть мест, где они были с Анной. Чтобы не встречать Максима на улице.

Он изменился. Повзрослел. Стал серьёзнее. Девушки нравились ему, у него даже были отношения - короткие, неглубокие. Никто не мог сравниться с ней. Никто не мог зажечь в нём тот огонь, который зажгла она.

Он думал о ней часто. Вспоминал их встречи, их разговоры, их близость. Вспоминал и чувствовал боль - но уже не острую, а тупую, ноющую. Как шрам, который болит при смене погоды.

Однажды, просматривая ленту в соцсетях, он увидел фотографию. Максим. С отцом. На каком-то спортивном мероприятии. Они улыбались. Выглядели... нормально. Как будто ничего не случилось.

Он хотел написать. Хотел извиниться. Хотел объяснить. Но не стал. Некоторые вещи нельзя исправить словами. Некоторые раны не заживают никогда.

Он закрыл ноутбук, вышел из кафе. Был весенний день, тёплый, солнечный. Девушки в лёгких платьях смеялись на скамейках. Пахло цветущими деревьями.

Он шёл по улице и думал о том, что сказала Анна в тот последний день. "Когда-нибудь ты вспомнишь эту историю

как красивую, грустную сказку".

Он вспоминал. Вспоминал и понимал - она была права. Это была сказка. Прекрасная, волшебная, опасная сказка о любви, которая пришла не вовремя и не к тем людям.

Сказка, которая научила его любить. Научила чувствовать. Научила быть мужчиной.

Сказка, которая закончилась болью, но оставила после себя не только боль. Оставила воспоминания. Опыт. Мудрость.

Он остановился, посмотрел на небо. Где-то там, в другом городе, жила она. Женщина, которая навсегда останется в его памяти как первая настоящая любовь. Как учительница. Как грех и благословение одновременно.

Он улыбнулся. Печально, но с благодарностью. Потому что некоторые истории должны заканчиваться. Потому что некоторые уроки нужно выучить, даже если они болезненны.

Потому что иногда любовь приходит, чтобы научить нас чему-то, а не чтобы остаться навсегда.

И это нормально. Это и есть жизнь.

Он пошёл дальше. Вперёд. К новым историям, новым урокам, новой любви.

Но часть его навсегда осталась там, на том балконе, под звёздами, с женщиной, которую он любил недолго, но навсегда.

Искусство.

Есть книги, которые читают глазами. И есть книги, которые читают кожей. Нервными окончаниями. Той частью ду-

ши, которая помнит, как пахнет страх перед первым поцелуем. Как дрожат пальцы, расстегивая чужую пуговицу. Как горит лицо, когда на тебя смотрит тот, кто видит не одежду, а то, что под ней.

Эта книга — из вторых.

Она не для тех, кто ищет развлечения. Не для тех, кто хочет убить время. Она для тех, у кого время убивает их самих. По капле. По секунде. По бессонной ночи за бессонной ночью.

Представьте женщину. Не героиню. Просто женщину. Тридцать пять лет. Красивую. Успешную. Замужем за правильным мужчиной. Живет в правильной квартире. Носит правильную одежду. Улыбается правильной улыбкой.

И каждое утро просыпается с ощущением, что она — призрак в собственном теле. Что жизнь проходит мимо. Что где-то там, за горизонтом ее удобного существования, происходит что-то настоящее. Что-то важное. Что-то, ради чего стоит дышать полной грудью, а не этими мелкими, осторожными вдохами, которые не наполняют легкие, а только поддерживают видимость жизни.

Ее зовут Анна. Или, может быть, ее зовут как вас. Или как

ту женщину, которую вы видите в зеркале по утрам, прежде чем нанести макияж. Прежде чем надеть маску.

А теперь представьте выбор. Не между хорошим и плохим. Между безопасным и настоящим.

Можно остаться. Продолжать. Делать вид, что все в порядке. Что пустота внутри — это просто усталость. Что желание, которое просыпается ночами и стучит в висках, — это просто гормоны. Что мечты о другой жизни — это просто кризис среднего возраста, который пройдет, как насморк.

Или можно уехать. В Италию. В дом на берегу озера, который оставила в наследство тетя, которую никто не помнит. В место, где воздух пахнет оливками и тайнами. Где вода темная, как забытые воспоминания. Где в пещере на склоне горы ждет что-то — или кто-то — что изменит все.

Анна выбирает второе.

И вы — если решитесь открыть эту книгу — отправитесь с ней.

Но предупреждаю: это путешествие не для слабых духом.

Вы спуститесь в пещеру, где стены помнят прикосновения

рук, которые исчезли тысячелетия назад. Вы почувствуете холод камня на коже. Услышите эхо собственных шагов, которое вернется к вам искаженным, как будто кто-то другой идет рядом.

Вы встретите мужчину. Не просто мужчину. Коллекционера. Охотника за красотой. Того, кто привык покупать искусство — и художников. Его зовут Виктор. У него глаза цвета грозового неба и руки, которые знают, как раздеть женщину не только от одежды, но и от иллюзий.

Вы узнаете историю Елены. Художницы, которая исчезла сорок лет назад. Оставила после себя только картины — и вопросы. Много вопросов. И один из них: что она нашла в той пещере? И что выбрала вместо возвращения?

Но главное — вы встретите себя.

Того себя, который спрятан под слоями ожиданий, обязанностей, страхов. Того себя, который помнит, как хотеть по-настоящему. Не просто хотеть машину, квартиру, повышение. Хотеть так, чтобы все тело горело. Чтобы разум отключался. Чтобы мир сужался до точки соприкосновения двух кож.

Эта книга — о желании. Но не о том простом, физиологи-

ческом. О желании быть. Быть настоящей. Быть целой. Быть живой настолько, чтобы чувствовать боль и наслаждение с одинаковой интенсивностью.

Она — о сексе. Но не как о механическом акте. Как о языке. Языке, на котором тела говорят правду, которую губы боятся произнести. Языке, на котором можно признаться в страхе, в одиночестве, в жажде соединения, которое выходит за рамки физического.

Она — о тьме. О той тьме, которая живет внутри каждого из нас. Которая пугает. Которая манит. Которая, если посмотреть ей в глаза, оказывается не пустотой, а источником. Источником творчества. Источником силы. Источником света.

Эта книга не даст вам ответов. Она задаст вопросы. Те самые вопросы, которые вы боитесь задать себе:

Кому стоит прочитать эту книгу?

Тем, кто чувствует, что живет не своей жизнью — и хочет найти смелость изменить это.

Тем, кто боится собственных желаний — и готов посмотреть им в глаза.

Тем, кто ищет не развлечения, а переживания — глубокого, трансформирующего.

Тем, кто верит, что эротика — это не про пошлость, а про

откровенность — самую страшную и самую прекрасную.

Тем, кто готов к путешествию вглубь себя — даже если путь лежит через тьму.

Последнее предупреждение: эта книга оставит след. Не на бумаге. На душе. Она изменит ваше восприятие. Себя. Своего тела. Своих желаний. Своих страхов.

После нее вы не сможете смотреть на мир прежними глазами. Не сможете притворяться, что все в порядке, когда внутри — буря. Не сможете довольствоваться полумерами, полу чувствами, полу житием.

Потому что она покажет вам, что значит — жить полностью. Любить полностью. Быть полностью.

Даже если это больно. Даже если это страшно. Даже если цена — все, что у вас есть.

Итак, выбор за вами.

Можете закрыть эту книгу сейчас. Вернуться к своей безопасной, удобной, предсказуемой жизни. Делать вид, что не читали этих слов. Что не почувствовали того трепета в груди, когда представили себя на месте Анны. Что не захотели узнать, что ждет ее в конце пути.

Или можете сделать вдох. Глубокий, как тот, что делают перед прыжком в неизвестность. Открыть первую страницу. И начать.

Потому что некоторые книги не просто читают. В них входят. Как в реку. Как в объятия. Как в новую жизнь.

Зеркало в прихожей было слишком честным. Анна остановилась перед ним, как перед судьей, и позволила взгляду скользнуть по своему отражению. Тридцать два года. Успешный арт-директор агентства «Вертикаль». Замужем за Максимом, инвестиционным банкиром. Квартира в центре, машина с водителем, гардероб от кутюр. Все детали сложились в идеальную мозаику благополучия.

И все же.

Она прикоснулась пальцами к стеклу, как будто пытаюсь дотронуться до той женщины по ту сторону. Блондинка с аккуратной стрижкой, серые глаза, подчеркнутые тонкой линией карандаша. Губы, окрашенные в нейтральный розовый — не слишком ярко, не слишком бледно. Все как должно быть. Все как ожидается.

Но где-то там, под слоем тонального крема и шелковой блузки, жила другая. Та, что просыпалась по ночам от снов, полных невысказанных желаний. Та, чье тело помнило прикосновения, которых не было годами.

«Ты идеальна», — сказал ей сегодня утром Максим, целуя в щеку перед уходом. Поцелуй был сухим, быстрым, как

деловая записка. Они спали в разных комнатах уже полгода. Сначала — из-за его бессонницы. Потом — из-за ее мигрени. В конце концов — просто потому, что так удобнее.

Анна вздохнула, и ее дыхание оставило на зеркале легкое облачко. Она провела по нему пальцем, стирая свое отражение. Может быть, так и нужно — стереть все и начать заново. Но с чего?

Телефон зазвонил, разрывая тишину. Работа. Всегда работа.

Корпоративная вечеринка в лофте на Красном Октябре. Стекло, бетон, световые инсталляции. Воздух пахнет дорогим парфюмом, шампанским и притворством. Анна стояла у панорамного окна, наблюдая, как Москва-река поглощает последние лучи заката. В бокале у нее было белое вино, которое она не пила уже двадцать минут.

«Анна, дорогая!» — обняла ее Ольга, PR-директор. — «Ты выглядишь потрясающе! Максим с тобой?»

«Деловая поездка. Цюрих».

«Ах, эти банкиры! Вечно в разъездах». Ольга сделала глоток шампанского. «Знаешь, я тебе кого-то представлю. Интересный человек. Галерист».

Анна кивнула, следуя за подругой через толпу. Она носила черное платье — простое, но безупречного кроя. Шелк ласкал кожу, напоминая о том, как когда-то ласкали ее руки. О давно забытых прикосновениях.

Он стоял спиной к ним, разговаривая с японским коллек-

ционером. Высокий, в темном костюме, который сидел на нем так, будто был второй кожей. Когда он обернулся, Анна почувствовала, как что-то сдвигается внутри. Не землетрясение, а скорее — тихое смещение тектонических плит.

«Алексей, это Анна, наш арт-директор. Анна, Алексей — владелец галереи «Хронос».

Он протянул руку. Его ладонь была теплой, с легкими шероховатостями — руки человека, который работает с холстами и скульптурами, а не только с бумагами.

«Очень приятно», — сказал он. Голос был низким, спокойным, как вода в глубоком озере.

«Анна создала нашу последнюю кампанию для люксового бренда», — похвасталась Ольга. — «Фотографии в стиле сюрреализма. Просто гениально».

«Я видел», — сказал Алексей. Его глаза были цвета темного янтаря. Они изучали ее не как объект, а как произведение искусства. «Вы работаете с образами подавленных желаний. Очень... смело».

Анна почувствовала легкий жар на щеках. «Это просто работа».

«Нет работа «просто» работой, когда в нее вложена душа». Он улыбнулся, и в уголках его глаз появились лучики морщин. «Я готовлю выставку. Эротическое искусство, но не в вульгарном смысле. Исследование женской чувственности как источника силы. Мне нужны... вдохновляющие модели».

Тишина повисла между ними. Ольга что-то говорила, но

Анна уже не слышала. Она смотрела в глаза этого незнакомца и чувствовала, как что-то древнее и забытое пробуждается в глубине ее существа.

«Я... не модель», — наконец выдохнула она.

«Все мы модели в той или иной степени», — мягко ответил он. «Просто некоторые еще не посмотрели в нужное зеркало».

Лифт в подземный гараж был тесным и зеркальным. Анна стояла рядом с Алексеем, ощущая его присутствие как физическую силу. Воздух между ними казался плотным, заряженным.

«Вы не боитесь, что такая выставка вызовет скандал?» — спросила она, глядя на свое отражение в зеркальной стене.

«Искусство, которое никого не тревожит, — не искусство, а декор». Он повернулся к ней. «Страх — это признак того, что ты касаешься чего-то важного. Чего-то настоящего».

Лифт остановился. Дверь не открывалась.

«Опять эта система», — вздохнул Алексей, нажимая кнопку. Ничего.

Тишина. Только их дыхание и тихое гудение механизмов где-то в глубине шахты.

Анна почувствовала легкую панику. Тесное пространство. Зеркала со всех сторон. Бесконечные отражения ее и его.

«Не волнуйтесь», — сказал он спокойно. «Через пять минут придет охрана».

Она кивнула, пытаясь дышать глубже. В зеркале она видела их двоих — стоящих так близко, что почти касающихся друг друга. Его плечо было в нескольких сантиметрах от ее плеча. Если бы она сделала шаг...

«Вы красивы, когда волнуетесь», — сказал он вдруг. Не как комплимент, а как констатацию факта.

Анна обернулась. Их глаза встретились в зеркале. И в этот момент он поднял руку и... остановился. Не касаясь. Его пальцы замерли в воздухе, в сантиметре от ее щеки.

«Можно?» — тихо спросил он.

Она кивнула, не в силах вымолвить слово.

Его пальцы коснулись ее кожи. Легко, почти невесомо. Как перышко. Как первый луч солнца на рассвете. Он провёл по линии скулы, затем опустился к уголку губ.

«Здесь», — прошептал он, — «живет твоя улыбка. Настоящая. Та, что ты прячешь».

Анна закрыла глаза. Его прикосновение было теплым. Не сексуальным в обычном смысле. Скорее... познающим. Как будто он читал ее кожу, как книгу.

«А здесь», — его пальцы скользнули к виску, — «живут твои мысли. Быстрые, как птицы».

Она открыла глаза. В зеркале она видела себя — женщину с полужакрытыми глазами, поддающуюся прикосновению незнакомца. И это не было постыдным. Это было... естественным.

Лифт дернулся. Двери открылись.

Алексей убрал руку. «Простите. Я переступил границы».

«Нет», — сказала Анна, и ее собственный голос показался ей чужим. «Вы... не переступили».

Он улыбнулся. «До свидания, Анна. Подумайте о выставке».

И он вышел, оставив ее одну в зеркальном ящике, с кожей, все еще помнящей его прикосновение.

Квартира была пуста и тиха. Максим звонил из Цюриха — короткий разговор о переводах и встречах. Анна ответила односложно, глядя в окно на ночной город.

После душа она стояла перед зеркалом в ванной. Пар оседал на стекле, делая ее отражение размытым, нечетким. Как будто она была призраком самой себя.

Она провела пальцами по тому месту, где касался Алексей. Кожа все еще помнила. Тело помнило.

В постели она лежала без сна, глядя в потолок. В голове крутились образы: его глаза, его рука в воздухе, его слова о зеркалах и границах.

И тогда она позволила себе то, чего не позволяла годами. Фантазию.

Она представила, что он здесь. Что его руки скользят по ее плечам, снимая шелковый халат. Что его губы касаются того

места на шее, где бьется пульс. Что он говорит ей: «Покажи мне. Покажи мне ту, что прячешь».

В темноте ее руки сами нашли свое тело. Не как инструмент для удовольствия, а как карту для исследования. Она касалась себя медленно, внимательно, как он касался ее в лифте. Открывая давно забытые континенты чувствительности.

Ее дыхание участилось. Тело, которое годами было просто оболочкой, оживало. Клетка за клеткой, нерв за нервом.

Она представила его голос: «Да. Вот так. Не бойся».

И она не боялась. Впервые за долгое время.

Утро принесло с собой обычный ритуал: кофе, новости, проверка почты. Но что-то изменилось. Свет за окном казался ярче. Кофе — ароматнее. Собственное отражение в тостере — менее чужим.

На работе она получила письмо. От Алексея.

«Дорогая Анна,

Вчерашняя встреча заставила меня задуматься. Не о выставке — о вас. Есть люди, которые носят свои маски так долго, что забывают, где заканчивается грим и начинается лицо.

Я не прошу вас быть моделью. Я предлагаю вам возможность посмотреть в зеркало, которое покажет то, что скрыто даже от вас самих.

Если решитесь — приходите в галерею в пятницу в семь. Если нет — я пойму.

С уважением, Алексей»

Анна перечитала письмо три раза. Затем открыла календарь. Пятница. Через три дня.

Она посмотрела на свое отражение в экране монитора. Женщина в деловом костюме, с аккуратной прической и серьезным выражением лица.

«Кто ты?» — прошептала она.

И впервые за многие годы у нее не было готового ответа.

Вечером она зашла в маленькую церковь недалеко от работы. Не чтобы молиться — просто чтобы побыть в тишине. Свечи мерцали в полумраке, наполняя воздух запахом воска и времени.

Анна села на скамью в заднем ряду и закрыла глаза. Внутри нее боролись два голоса.

Первый — голос разума: «Ты с ума сошла. У тебя есть муж, карьера, репутация. Этот человек — незнакомец. Его выставка — риск. Остановись, пока не поздно».

Второй — голос, который она почти забыла: «А что, если поздно уже давно? Что, если ты уже много лет живешь жизнью, которая тебе не принадлежит? Что, если этот незнакомец — не искуситель, а... проводник?»

Она открыла глаза и увидела икону Богородицы. Лик был печальным и мудрым одновременно. Как будто он знал все ее тайны и все же не осуждал.

«Что мне делать?» — мысленно спросила она.

Ответа не было. Только тишина и мерцание свечей.

Но когда она вышла на улицу, холодный осенний воздух ударил ей в лицо, и она почувствовала... ожидание. Не страх. Ожидание.

Она достала телефон и открыла календарь. Пятница. 19:00. Галерея «Хронос».

Ее палец завис над кнопкой удаления. Секунда. Две.

Она закрыла приложение и положила телефон в сумку.

Решение было принято. Не разумом. Чем-то более глубоким. Чем-то, что только начинало просыпаться.

Ночью ей снова приснился сон.

Она стоит в бесконечной галерее. На стенах — не картины, а зеркала. В каждом зеркале — она, но разная. Девочка с косичками. Подросток с первыми поцелуями. Невеста в белом платье. Женщина в деловом костюме.

И в конце зала — пустая рама. Зеркала нет. Только темнота.

Из темноты выходит Алексей. Он берет ее за руку и подводит к пустой раме.

«Посмотри», — говорит он.

Она смотрит. И видит... ничего. Только тьму.

«Это твое будущее», — объясняет он. «Еще не написан-

ное. Еще не отраженное».

«А кто его напишет?»

«Ты. Только ты».

Он отпускает ее руку. «Но сначала нужно решиться подойти к холсту».

Анна просыпается с биением сердца в горле. За окном еще темно. Четыре утра.

Она встает и подходит к окну. Город спит. Только где-то далеко мигает огонек самолета.

Ее руки лежат на холодном стекле. Тело помнит сон. Помнит его прикосновение в лифте. Помнит собственные прикосновения в темноте.

«Кто я?» — снова спрашивает она себя.

И на этот раз появляется первый, робкий ответ: «Я — та, что еще не знает. Но хочет узнать».

Рассвет начинается с тонкой полоски света на горизонте. Оранжевой, как пламя. Как обещание.

Анна смотрит на нее и чувствует, как что-то внутри нее откликается на этот свет. Что-то древнее. Что-то дикое. Что-то настоящее.

Пятница. Всего два дня.

Она улыбается. Впервые за долгое время — настоящей улыбкой.

Пробуждение началось.

Пятница пришла с дождем. Тонкие серебряные нити стекали по окнам галереи «Хронос», превращая ночной город в акварельный пейзаж. Анна стояла под козырьком, наблюдая, как капли разбиваются о тротуар. Ее пальцы сжимали ручку зонта, но она не открывала его. Что-то в ней хотело промокнуть. Ощутить дождь на коже как доказательство реальности этого момента.

Она опоздала на двадцать минут. Сначала — из-за пробок. Потом — потому что трижды обошла квартал, пытаясь убедить себя вернуться домой. Но ноги сами несли ее сюда, к стеклянной двери, за которой мерцал теплый свет.

«Вы пришли», — сказал Алексей, открывая дверь. Он был

в черной водолазке и темных брюках. Просто. Без претензий. Как будто одежда была для него не костюмом, а продолжением кожи.

«Я почти не пришла», — призналась Анна, переступая порог.

«Но пришли. Это главное».

Галерея была пуста. Высокие белые стены, бетонный пол, несколько скульптур, накрытых тканью. Воздух пах свежей краской, деревом и чем-то еще — озоном после дождя, смешанным с ароматом старой бумаги.

«Где выставка?» — спросила она.

«Еще нет. Я только начинаю». Он провел рукой по воздуху. «Это пространство — чистый холст. Как и вы».

Анна почувствовала легкий озноб. «Я не понимаю, что вы от меня хотите».

«Я не хочу ничего. Я предлагаю. Предлагаю вам возможность увидеть себя без фильтров. Без ожиданий. Без обязательств».

Он подошел к одному из покрытых полотен и сдернул ткань. Под ней оказалась скульптура — женская фигура из темного дерева. Тело было вырезано так, что казалось одновременно и законченным, и незавершенным. Где-то — гладкие, отполированные поверхности. Где-то — грубая текстура, сучки, трещины.

«Это «Пробуждение» работы Марины Петровой», — сказал Алексей. «Она вырезала это из одного куска дерева, который нашел в заброшенной церкви. Говорит, что дерево само подсказывало форму».

Анна подошла ближе. Ее пальцы потянулись к скульптуре, но остановились в сантиметре от поверхности. «Можно?»

«Все искусство создано для того, чтобы его касались. Хотя бы глазами».

Она прикоснулась. Дерево было теплым, живым. Под пальцами она чувствовала годовичные кольца, историю роста. «Она... прекрасна».

«Не прекрасна. Настоящая». Алексей стоял рядом. «Красота — это оценка. Подлинность — это факт».

Анна обернулась к нему. «А что вы видите во мне? Под-

линность или... маску?»

Он смотрел на нее долго. Не как мужчина на женщину. Как художник на материал. «Я вижу потенциал. Глину, которая ждет, чтобы ее вылепили. Но не мной. Вами».

Они пили чай в его кабинете на втором этаже. Комната была завалена книгами, эскизами, фотографиями. На стене — огромная карта мира, испещренная булавками разных цветов.

«Вы много путешествовали», — заметила Анна, рассматривая карту.

«Искал». Он налил ей еще чаю. «Сначала — красоту. Потом — истину. В конце концов понял, что они часто не совпадают».

«А что вы нашли?»

«Что самое опасное искушение — не грех, а безопасность. Комфортная клетка, в которой можно прожить всю жизнь, даже не заметив, что ты в клетке».

Анна опустила глаза. Ее чашка была белой, фарфоровой, с тончайшими трещинками глазури. «Моя жизнь — не клет-

ка».

«Разве?» Его голос был мягким, без обвинения. «У вас есть все, что положено иметь. Карьера, муж, статус. Но когда вы последний раз делали что-то просто потому, что хотели? Не потому, что должны?»

Молчание. За окном дождь усилился, барабания по стеклу как будто пытаюсь войти внутрь.

«Я не знаю», — наконец призналась она.

«Вот и я о том же». Алексей откинулся на спинку кресла. «Я предлагаю вам фотосессию. Не для выставки — для вас. Чтобы вы увидели себя такой, какая вы есть. Без ретуши. Без позы».

«Обнаженной?» — голос Анны дрогнул.

«Если захотите. Если нет — в одежде. Но в той, которую выберете вы. Не ту, что диктует дресс-код».

Она смотрела на свои руки. Идеально ухоженные ногти. Безупречный маникюр. Руки, которые умели держать мышь, подписывать документы, жать руки клиентам. Но когда они последний раз касались чего-то просто потому, что это при-

ятно?

«Я... подумаю».

«Конечно». Он встал. «Но помните: думать — это безопасно. Чувствовать — рискованно. А жить — опасно. Выбор за вами».

На следующей неделе Анна пришла снова. С черной сумкой, в которой лежало шелковое платье цвета спелой сливы. Она купила его пять лет назад в Париже и ни разу не надела. Слишком яркое. Слишком... заметное.

«Идеально», — сказал Алексей, когда она показала ему платье. «Цвет вашей внутренней весны».

Фотостудия была в подвале галереи. Пространство без окон, с черными стенами и системой софитов. В центре — белый цилиндр, как лист бумаги в темной комнате.

«Первое правило», — сказал Алексей, настраивая камеру. «Здесь нет правил. Второе правило: если что-то не нравится — останавливаемся. Третьего правила нет».

Анна переделалась за ширмой. Шелк скользил по коже, как вода. Когда она вышла, Алексей уже ждал у камеры.

«Не смотрите в объектив», — сказал он. «Смотрите в себя. Я просто свидетель».

Первые кадры были неловкими. Она стояла как манекен, улыбалась натянутой улыбкой. Алексей молчал, снимал, менял ракурсы.

«Стоп», — наконец сказал он. «Вы играете роль. Роль женщины, которая пришла на фотосессию. А где вы? Настоящая?»

«Я не знаю, как...»

«Закройте глаза».

Она послушалась.

«Представьте, что вы одни. Что камеры нет. Что меня нет. Вы просто стоите в своем платье и чувствуете, как ткань касается кожи. Как воздух касается лица. Как пол касается ступней».

Анна сделала глубокий вдох. И еще один. Постепенно напряжение начало уходить. Плечи опустились. Челюсть разжалась.

«Хорошо. Теперь откройте глаза, но не смотрите ни на что конкретное. Расфокусируйте взгляд. Как будто вы смотрите сквозь стены».

Она открыла глаза. Мир стал мягким, размытым. И в этой мягкости что-то внутри нее расслабилось. Что-то, что было зажато годами.

Щелчок затвора. Еще один. Быстрее.

«Теперь прикоснитесь к своему плечу. Не как модель. Как человек, который впервые ощущает свое тело».

Она подняла руку. Пальцы коснулись шелка, а под ним — кости, кожи, тепла. Ее собственного тепла.

Щелчок.

«Что вы чувствуете?»

«Тепло», — прошептала она. «И... пульс. Как будто я живая».

«Вы живая. Всегда были. Просто забыли».

Она опустила руку, и платье зашелестело. Звук был таким же чувственным, как прикосновение.

«Теперь повернитесь. Медленно. Как будто вы танцуете с невидимым партнером».

Анна закрыла глаза снова и начала поворачиваться. Шелк обвивался вокруг ног, цеплялся за бедра. Она подняла руки, как будто обнимая воздух. И вдруг — вспомнила.

Вспомнила, как танцевала в шестнадцать на школьном выпускном. Как ее тело было легким, свободным, радостным. Как она смеялась, кружилась, чувствуя музыку в каждой клетке.

Слезы выступили на глазах. Не от грусти. От узнавания.

Щелчок. Щелчок. Щелчок.

Алексей снимал молча, но она чувствовала его внимание как физическое присутствие. Не оценивающее. Принимающее.

«Хватит на сегодня», — наконец сказал он.

Анна открыла глаза. «Я...»

«Не говорите ничего. Просто побудьте с этим чувством».

Они сидели на диване в кабинете, просматривая снимки на большом экране. Анна смотрела на себя со стороны и не узнавала.

На фотографиях была женщина с полузакрытыми глазами, с легкой улыбкой на губах, с телом, которое казалось одновременно и сильным, и уязвимым. Шелковое платье облегло ее как вторая кожа, подчеркивая изгибы, которые она годами скрывала под деловыми костюмами.

«Это... я?» — спросила она.

«Часть вас. Та часть, что обычно спит». Алексей переключил на следующий кадр. «Посмотрите на глаза. Видите?»

Она присмотрелась. В ее глазах было что-то... дикое. Свободное. Как у животного, которое впервые вышло из клетки на волю.

«Я не знала, что во мне есть это».

«В каждом из нас есть дикость. Цивилизация — это просто договор о временном перемирии с ней».

Он выключил экран. «На сегодня достаточно. Вы проделали огромную работу».

«Какая работа? Я просто стояла».

«Вы позволили себе быть. Это самая сложная работа в мире».

Когда Анна собиралась уходить, Алексей остановил ее у двери. «В субботу у меня будет... урок. Не фотосессия. Нечто другое. Если хотите — приходите».

«Что за урок?»

«Урок чувственности. Через танец».

Анна почувствовала, как что-то сжимается в животе. Страх? Нет. Предвкушение. «Я подумаю».

«Конечно». Он улыбнулся. «Но помните: думать можно бесконечно. А жить — только сейчас».

Суббота. Снова дождь, но теперь теплый, весенний, хотя на календаре была осень.

Студия танца находилась в старом особняке на Остоженке. Высокие потолки, паркетный пол, зеркала во всю стену. Когда Анна вошла, там уже были несколько человек — две женщины и мужчина. Все в простой одежде, без макияжа, без притворства.

Алексей стоял в центре зала в черных штанах и белой футболке. Босиком.

«Добро пожаловать», — сказал он. «Сегодня мы будем учиться слушать. Не ушами. Телом».

Он включил музыку. Не мелодию, а скорее — звуковой ландшафт. Шум дождя, пение птиц, отдаленный гул города, на который накладывался тихий, медитативный ритм барабанов.

«Встаньте. Закройте глаза. И просто... слушайте. Пусть звук проходит сквозь вас. Как вода сквозь решето».

Анна закрыла глаза. Сначала она слышала только отдельные звуки. Потом они начали сливаться в единую ткань. И тогда что-то странное начало происходить.

Ее тело начало слегка раскачиваться. Само. Без команды мозга. Как будто какая-то древняя часть ее знала этот ритм

и откликнулась на него.

«Хорошо», — сказал голос Алексея где-то рядом. «Теперь позвольте этому движению расти. Не контролируйте. Наблюдайте».

Анна позволила. Ее бедра начали описывать медленные круги. Плечи — покачиваться. Руки — подниматься, как будто тянись к невидимому солнцу.

Она открыла глаза и увидела свое отражение в зеркале. Женщина с закрытыми глазами, танцующая под дождь в пустой комнате. И это было прекрасно. Не красиво. Прекрасно.

«Теперь откройте глаза», — сказал Алексей. «И посмотрите на свое отражение. Не как на себя. Как на незнакомку. Как на ту, кого вы только что встретили».

Анна открыла глаза. И встретила взгляд женщины в зеркале. Женщины с распущенными волосами, с легкой испариной на лбу, с глазами, полными... чего? Удивления? Радости? Признания?

«Кто ты?» — прошептала она своему отражению.

И впервые за многие годы отражение не молчало. Оно

улыбалось. Тайнственно. Как будто знало секрет, который только собиралось открыть.

После занятия они пили травяной чай на кухне особняка. Другие участники уже разошлись, остались только они двое.

«Вы сегодня были потрясающи», — сказал Алексей.

«Я просто... двигалась».

«В том-то и дело. «Просто». Без усилия. Без попытки быть кем-то». Он налил ей еще чаю. «Чувственность — это не про секс. Это про присутствие. Про то, чтобы быть здесь и сейчас. В своем теле. Со всеми его ощущениями».

Анна смотрела на свои руки на столе. Они все еще слегка дрожали — от движения, от освобождения. «Я не помню, когда последний раз чувствовала свое тело таким... живым».

«Оно всегда было живым. Вы просто перестали его слушать». Он помолчал. «В среду у меня будет встреча с коллекционером. Виктором. Он интересуется выставкой. Хотите прийти?»

«Коллекционер?»

«Да. Очень... влиятельный человек. С сложным вкусом». В голосе Алексея появилась легкая натянутость. «Но будьте осторожны. У Виктора есть привычка... присваивать то, что ему нравится».

«Что вы имеете в виду?»

«То, что говорю. Он коллекционер в самом буквальном смысле. Людей в том числе».

Анна почувствовала легкий холодок по спине. «И вы хотите, чтобы я встретила с ним?»

«Я хочу, чтобы вы знали, с чем имеете дело. Мир искусства — не только красота. Это также власть, деньги, желание обладать». Он посмотрел на нее прямо. «Вы готовы к этому?»

Она не знала. Но сказала: «Да».

Потому что «нет» означало бы вернуться назад. К безопасности. К клетке.

Вечером, дома, Анна стояла перед зеркалом в ванной. Но теперь смотрела на себя иначе. Не как на набор недостатков, которые нужно исправить. Как на... территорию. Неизведан-

ную, полную тайн.

Она провела руками по своему телу. От плеч к груди. От талии к бедрам. Медленно. Внимательно. Как исследователь, составляющий карту.

Ее пальцы остановились на животе. Под кожей что-то дрожало. Как будто там жило отдельное существо. Дикое, пугливое, но живое.

«Привет», — прошептала она. «Я тебя вижу».

И тогда она почувствовала это. Не желание в обычном смысле. Не голод. Скорее... тоску. Тоску по чему-то, что было потеряно давным-давно. По цельности. По соединенности с самой собой.

Она вспомнила танец. Движение. Свободу.

И поняла, что искушение — это не соблазн греха. Это приглашение вернуться домой. К себе.

Телефон зазвонил. Максим.

«Привет, дорогая. Как дела?»

«Хорошо», — сказала она, глядя на свое отражение.
«Очень хорошо».

«Отлично. Я вернусь в понедельник. Заказал столик в том французском ресторане. Отметим?»

«Отметим», — согласилась она.

Но уже знала, что отмечать они будут разные вещи. Он — очередную успешную сделку. Она — свое пробуждение.

После разговора она легла в постель, но не спала. Лежала и чувствовала, как ее тело помнит танец. Как мышцы все еще хранят память о движении. Как кожа все еще чувствует прикосновение собственных рук.

За окном дождь стих. Наступила тишина. Но внутри нее что-то пело. Тихо. На языке, который она только начинала понимать.

Искушение, поняла она, — это не то, что уводит от себя. Это то, что возвращает к себе. Через риск. Через доверие. Через позволение.

Она закрыла глаза и улыбнулась в темноте.

Среда. Встреча с Виктором.

Что-то говорило ей, что это будет не просто встреча. Это будет... испытание.

Но теперь она была готова. Потому что впервые за долгое время у нее было что терять. Саму себя.

И это делало ее сильной.

Среда пришла с туманом. Белая пелена окутала город, превращая здания в призраков, улицы — в лабиринты без начала и конца. Анна шла к галерее, и каждый шаг казался погружением в неизвестность. Туман цеплялся за ее кожу мельчайшими каплями, как будто пытаясь растворить границы между телом и миром.

Она была в черном платье. Простом, без украшений. Только серебряные серьги в виде капель — подарок матери на восемнадцатилетие. «Носи их, когда захочешь напомнить себе, кто ты», — сказала тогда мать. Анна не понимала тогда, что это значит. Теперь, возможно, начинала понимать.

Галерея «Хронос» светилась в тумане как маяк. Алексей ждал у входа, курил тонкую сигарету. Увидев ее, бросил окурок и раздавил его каблуком.

«Вы пришли», — сказал он. В его голосе была странная смесь облегчения и тревоги.

«Вы думали, я не приду?»

«Я надеялся, что вы не придете». Он открыл дверь. «Виктор уже здесь».

Внутри пахло дорогим табаком и старыми книгами. В центре главного зала стоял мужчина лет пятидесяти, рассматривающий одну из скульптур. Высокий, с седеющими висками, в идеально сидящем костюме цвета мокрого асфальта. Когда он повернулся, Анна почувствовала, как что-то сжимается у нее внутри.

Его глаза были серыми, как туман за окном, но с желтыми искорками вокруг зрачков. Глаза хищника, который уже оценил добычу.

«Алексей», — сказал Виктор голосом, который был одновременно мягким и режущим, как бархатная обертка на лезвии. «И это, должно быть, Анна».

Он протянул руку. Его пальцы были длинными, ухоженными, с идеально отполированными ногтями. Когда Анна пожала его руку, она почувствовала неожиданную силу в

этом прикосновении. Не грубую. Контролируемую. Как будто он мог сжать ее кости, если бы захотел, но выбирал не делать этого.

«Виктор Орлов», — представился он. «Коллекционер. Искатель прекрасного».

«Анна Соколова», — сказала она, хотя он уже знал ее имя. Это было ритуальное представление. Часть игры, правила которой она еще не понимала.

«Алексей говорил мне о вас», — сказал Виктор, не отпуская ее руку. «Говорил, что вы... особенны».

«Я обычная женщина».

«Обычных женщин не бывает. Бывают женщины, которые еще не открыли свою необычность». Наконец он отпустил ее руку. «Покажите мне ваши фотографии, Алексей».

Они поднялись в кабинет. Виктор занял кресло Алексея у стола, как будто это было его законное место. Алексей молча встал у окна, закурил еще одну сигарету.

На экране появились фотографии с той самой фотосессии. Анна смотрела на себя со стороны и снова чувствовала

это странное раздвоение. Та женщина на экране была и ею, и кем-то другим. Кем-то свободным.

Виктор смотрел молча. Не комментировал. Не выражал эмоций. Только его глаза двигались, сканируя каждый кадр, каждый изгиб, каждый оттенок кожи. Когда слайд-шоу закончилось, он повернулся к Алексею.

«Ты прав. Она идеальна».

«Она не экспонат, Виктор», — сказал Алексей. Голос его был напряженным.

«Все мы экспонаты в чьей-то коллекции, мой друг. Вопрос только — в чьей». Виктор повернулся к Анне. «Что вы чувствовали, когда это снимали?»

Вопрос застал ее врасплох. «Я... не знаю. Свободу, наверное».

«Свободу от чего?»

«От себя. От той, кем я должна быть».

Виктор кивнул, как будто это был именно тот ответ, который он ожидал. «Интересно. Большинство людей ищут сво-

боду, чтобы стать кем-то. Вы ищете свободу, чтобы перестать быть».

Он встал, подошел к окну. Туман за стеклом был таким густым, что казалось, будто за ним ничего нет. Только белая пустота.

«Я хочу купить эти фотографии», — сказал он, не оборачиваясь.

«Они не продаются», — ответил Алексей.

«Все продается. Просто цена разная». Виктор обернулся. «Я предлагаю вам выставку. Полную ретроспективу ваших работ за последние пять лет. В моей галерее в Цюрихе. Плюс контракт на следующие три года».

Алексей замер. Анна видела, как его пальцы сжимаются. «Это щедрое предложение».

«Я щедрый человек. Когда вижу то, что стоит щедрости». Виктор посмотрел на Анну. «И я хочу, чтобы она была частью выставки. Не как модель. Как соавтор».

Тишина. Только тиканье старинных часов на каминной полке.

«Я не художник», — сказала Анна.

«Художник — это не профессия. Это состояние. Вы вошли в это состояние на этих фотографиях. Я хочу, чтобы вы остались в нем».

Он подошел к ней так близко, что она почувствовала запах его одеколona — древесный, пряный, с горьковатой нотой. «Я предлагаю вам мастерскую. В Италии, на берегу озера Комо. Месяц. Никаких обязательств. Только вы, природа и возможность... исследовать».

«Исследовать что?»

«Себя. Свои границы. Свои желания». Его глаза смотрели прямо в нее. «Я верю, что у каждого человека есть внутренний ландшафт. Некоторые довольствуются тем, что бродят по его окраинам. Другие хотят дойти до центра. К какому типу относитесь вы?»

Анна не ответила. Не могла. Что-то в его взгляде парализовало ее. Не страх. Что-то другое. Признание. Как будто он уже видел ее внутренний ландшафт и нашел его... достойным.

«Подумайте», — сказал Виктор, отступая. «У вас есть неделя. Алексей передаст мне ваш ответ».

Он кивнул им обоим, взял пальто и вышел. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Только тогда Анна поняла, что все это время задерживала дыхание.

«Не делай этого», — сказал Алексей, когда они остались одни.

«Что?»

«Не соглашайся. Виктор не тот, кем кажется».

«А кто он?»

«Коллекционер душ». Алексей подошел к бару, налил два бокала виски. «У него есть... потребность. Потребность владеть не просто вещами. Опытами. Людями. Моментами их трансформации».

Он протянул ей бокал. «Ты для него — чистый холст. Он хочет быть тем, кто нанесет на тебя первый мазок. И последний».

Анна сделала глоток. Виски обожгло горло, но тепло, которое разлилось по телу, было приятным. «А что, если я хочу, чтобы кто-то нанес этот мазок?»

«Тогда найди кого-то, кто не захочет владеть тобой после этого».

Она посмотрела на него. «А ты? Ты бы хотел?»

Молчание. Длинное, тяжелое. Алексей отвернулся, снова посмотрел в окно. «Я не тот, кто тебе нужен».

«А кто мне нужен?»

«Ты сама. Только ты».

Она подошла к нему, встала рядом. Их отражения в стекле сливались с туманом, становясь почти невидимыми.

«На фотосессии... ты смотрел на меня не как на объект», — сказала она тихо. «Как на человека. Почему?»

«Потому что объекты не меняются. Люди — меняются». Он повернулся к ней. «Ты изменилась за эти несколько недель. Стала... ярче. Опаснее».

«Опаснее?»

«Для системы. Для той жизни, которую построила. Для себя самой». Он коснулся ее щеки кончиками пальцев. Легко, почти невесомо. «Изменение — это всегда риск. Риск потерять то, что было. Не найти то, что будет».

«А ты? Ты рискуешь?»

Он улыбнулся. Горько. «Я уже все потерял. Поэтому открыл галерею. Чтобы наблюдать, как другие находят».

«Что ты потерял?»

«Веру. В искусство. В людей. В себя». Он убрал руку. «Не повторяй моих ошибок, Анна. Не отдавай свою трансформацию в чужие руки. Особенно в такие руки, как у Виктора».

Ночь. Квартира была пуста. Максим задержался на переговорах в Берлине. Анна ходила из комнаты в комнату, не в силах усидеть на месте.

Она включила музыку. То самое медитативное звучание, что было на уроке танца. Закрыла глаза. Позволила телу двигаться.

Но сегодня что-то было не так. Движения были резкими, прерывистыми. Как будто внутри нее боролись две силы. Одна тянула вперед, к неизвестному. Другая — назад, к безопасности.

Она остановилась перед зеркалом в спальне. Смотрела на свое отражение. На женщину в черном платье с распущенными волосами. На глаза, в которых горел странный огонь.

«Кто ты?» — снова спросила она.

И на этот раз ответ пришел не как мысль. Как ощущение. Волна тепла, которая поднялась от ступней к макушке. Как будто все ее тело сказало: «Я здесь. Я живая. И я хочу... больше».

Больше чего? Опыта? Опасности? Себя?

Телефон зазвонил. Незнакомый номер.

«Анна? Это Виктор». Голос в трубке был таким же, каким она его запомнила. Контролируемым. Уверенным. «Я надеюсь, не побеспокоил».

«Как вы получили мой номер?»

«У меня есть способы». Легкая пауза. «Я звоню, потому что не мог перестать думать о нашей встрече. И о вас».

Она молчала.

«Я хочу показать вам кое-что», — продолжил он. «Картину. Она у меня дома. Я думаю, она вам понравится».

«Сейчас поздно».

«Для искусства не бывает поздно. Только для тех, кто боится его увидеть».

Еще одна пауза. Более длинная.

«Где вы живете?» — наконец спросила она.

Он назвал адрес. Район, где жили только очень богатые или очень влиятельные люди. Или и те, и другие.

«Я пришлю машину», — сказал Виктор. «Через двадцать минут».

«Я не сказала, что приду».

«Но вы придете. Потому что хотите знать. Хотите видеть. Хотите... чувствовать».

Он положил трубку.

Анна стояла с телефоном в руке, смотря на свое отражение. Женщина в зеркале улыбалась. Тайно. Как будто знала что-то, чего еще не знала она сама.

Машина была черным лимузином с тонированными стеклами. Водитель — мужчина в форме, который открыл ей дверь молча, почтительно.

Дорога заняла не больше пятнадцати минут. Они ехали по пустынным ночным улицам, и Анна чувствовала себя как в сновидении. Как будто она пересекала не просто город, а границу между двумя мирами.

Особняк Виктора стоял на берегу Москвы-реки. Старинное здание в стиле модерн, освещенное мягкой подсветкой. Когда машина остановилась, дверь открылась сама. Внутри ждал Виктор.

Он был в домашней одежде — черные брюки, серая рубашка с расстегнутым воротом. Босиком.

«Добро пожаловать в мой дом», — сказал он. «Или, как я предпочитаю его называть, мою коллекцию».

Он провел ее через холл. Комнаты следовали одна за другой, каждая — как отдельная вселенная. В одной — только африканские маски. В другой — японские гравюры. В третьей — современные инсталляции из света и стекла.

«Вы живете в музее», — заметила Анна.

«Музей — это место, где хранят мертвое. Я живу среди живого. Среди вещей, которые все еще дышат историей».

Он остановился перед дверью из темного дерева. «А вот и она. Картина, о которой я говорил».

Комната была круглой, с куполообразным потолком. В центре — только одно кресло и картина на стене. Большое полотно, метра два в ширину.

Анна подошла ближе. И замерла.

На картине была женщина. Обнаженная, но не в эротическом смысле. В археологическом. Как будто художник раскопал ее из слоев времени. Кожа была написана так, что казалась одновременно и плотью, и землей. Волосы — как кор-

ни деревьев. Глаза смотрели прямо на зрителя, и в них была такая глубина, что казалось, будто можно упасть в них и потеряться.

«Кто это?» — прошептала Анна.

«Автопортрет», — сказал Виктор. «Художница написала его за год до смерти. Она знала, что умирает. И решила оставить не память о себе, а... свидетельство. Свидетельство того, что значит быть живым, зная, что скоро умрешь».

Анна не могла оторвать глаз от картины. Что-то в ней резонировало с чем-то внутри нее. Как будто эта женщина с полотна знала какую-то правду, которую Анна только начала ощущать.

«Почему вы показали мне именно это?»

«Потому что вы похожи на нее. Не внешне. Внутренне. Вы тоже стоите на пороге. Только ваш порог — не смерть. Рождение. Рождение себя настоящей».

Он подошел к ней сзади. Не касаясь. Но она чувствовала его присутствие как тепло за спиной.

«Когда я впервые увидел эту картину, я плакал», — ска-

зал он тихо. «Не от грусти. От признания. Я понял, что всю жизнь искал не красивые вещи. Моменты истины. И эта картина — один из таких моментов».

Анна обернулась. Они стояли так близко, что она могла видеть мельчайшие морщинки вокруг его глаз. Видеть, что под маской совершенства скрывается... усталость. Огромная, древняя усталость.

«Вы одиноки», — сказала она неожиданно для себя.

Виктор улыбнулся. Горько. «Коллекционер всегда одинок. Потому что владение — это иллюзия. Ты можешь окружить себя вещами, но они никогда не заполнят пустоту внутри».

«А что заполнит?»

«Ничто. Или все. Зависит от того, готов ли ты отпустить потребность заполнять». Он сделал шаг назад. «Я предлагаю тебе Италию не потому, что хочу владеть тобой. Потому что хочу видеть, как ты становишься свободной. Это будет... подарок. Мне самому».

«Почему?»

«Потому что иногда наблюдать за чьим-то освобождением — это единственная свобода, доступная тем, кто слишком долго был в клетке».

Он подошел к окну. За стеклом текла река, черная, как нефть, под светом уличных фонарей.

«Я был женат», — сказал он вдруг. «Она была художницей. Талантливой. Прекрасной. Я коллекционировал ее. Как картину. Как скульптуру. Пока однажды она не ушла. Оставила только записку: «Ты любил меня, как любишь свои картины. За стеклом. На расстоянии»».

Он обернулся. «Я не хочу повторять эту ошибку. С тобой. Поэтому мое предложение — без условий. Месяц в Италии. Мастерская. Никаких обязательств. После этого ты свободна уйти. Или остаться. Но по своему выбору».

Анна смотрела на него. На этого могущественного, одинокого человека, который предлагал ей свободу, не требуя ничего взамен. Или, требуя все, но так тонко, что она даже не заметит.

«Я подумаю», — сказала она.

«Конечно». Он улыбнулся. «Но помни: думать можно веч-

но. А жить — только сейчас».

Машина отвезла ее обратно. Домой. К пустой квартире. К жизни, которая вдруг показалась ей тесной, как костюм, из которого она выросла.

Она разделась, легла в постель. Но не спала. Лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как внутри нее бушует буря.

Предложение Виктора. Предупреждение Алексея. Картина умирающей женщины, которая выглядела более живой, чем она сама.

И ее собственное тело, которое все еще помнило танец. Все еще хотело движения. Свободы. Риска.

Она провела рукой по своему животу. По бедрам. По груди. Прикосновения были не эротическими. Исследующими. Как будто она впервые знакомилась с этой территорией.

«Что ты хочешь?» — спросила она свое тело.

Ответ пришел не словами. Ощущением. Тягой. Жаждой. Жаждой опыта. Опасности. Предела.

Она вспомнила глаза Виктора, когда он говорил об Ита-

лии. В них не было желания обладать. Было... любопытство. Любопытство ученого, наблюдающего за экспериментом.

А глаза Алексея, когда он предупреждал ее. В них была... боль. Боль того, кто уже прошел этот путь и знает, чем он может закончиться.

Кого слушать? Голову? Сердце? Тело?

Она встала, подошла к окну. Ночь была ясной теперь. Туман рассеялся, и на небе сияли звезды. Далекие, холодные, безразличные.

И тогда она поняла. Решение уже принято. Где-то глубоко внутри. Еще до того, как она осознала это.

Она вернется к Виктору. Примет его предложение. Потому что страх пропустить эту возможность был сильнее страха того, что может случиться.

Потому что иногда единственный способ найти себя — это рискнуть потеряться.

Она взяла телефон. Набрала номер Алексея.

«Я еду в Италию», — сказала она, когда он ответил.

Молчание. Длинное. Болезненное.

«Я знал», — наконец сказал он. «Просто надеялся, что ошибаюсь».

«Ты приедешь? На открытие выставки?»

«Нет. Но я буду думать о тебе. Каждый день».

Он положил трубку.

Анна осталась стоять у окна, глядя на звезды. На холодный, безразличный космос.

И внутри нее что-то пело. Тихо. Трагично. Прекрасно.

Как будто она уже начала умирать. Чтобы родиться заново.

Самолет приземлился в Милане под проливным дождем. Вода стекала по стеклу иллюминатора, превращая мир за бортом в акварельный размыв. Анна смотрела на этот новый пейзаж и чувствовала странное спокойствие. Как будто дождь смывал не только пыль с крыльев, но и остатки ее старой жизни.

В аэропорту ждал водитель — пожилой итальянец с морщинистым лицом и добрыми глазами. «Синьора Соколова? Я — Карло. Буду вашим проводником».

Он говорил на ломаном английском с таким музыкальным акцентом, что каждое слово звучало как песня. В машине пахло кожей, дождем и чем-то еще — терпким, горьковатым. Позже она узнает, что это запах оливковых деревьев после дождя.

Дорога к озеру шла через холмы, покрытые виноградниками. Дождь постепенно стихал, превращаясь в легкую морось, а затем и вовсе прекратился. И когда они выехали на береговую дорогу, Анна увидела озеро.

Оно лежало между гор как огромный кусок полированного нефрита. Вода была не синей, а серо-зеленой, с серебристыми бликами там, где пробивалось солнце. На противоположном берегу стояли виллы — белые, розовые, охристые — словно драгоценности, разбросанные по склону.

«Bellissimo, vero?» — сказал Карло, улыбаясь. «Красиво, да?»

Анна кивнула. Не могла говорить. Что-то в этом виде за-

девало струну так глубоко внутри, что отзывалось почти физической болью. Красотой, которая была слишком совершенной. Слишком... требовательной.

Вилла оказалась не тем роскошным дворцом, который она ожидала увидеть. Это был старый фермерский дом, перестроенный в мастерскую. Двухэтажный, из серого камня, с терракотовой черепицей на крыше. Вокруг — оливковая роща, а за ней — спуск прямо к воде.

Карло открыл тяжелую деревянную дверь с железными петлями. «Виктор сказал, вы хотите тишины. Здесь ее много. Слишком много, иногда».

Внутри пахло воском, старыми книгами и сухими травами. Первый этаж — одна большая комната с каменным полом и высокими потолками. В центре — камин, перед ним — кожаный диван и несколько кресел. У одной стены — длинный деревянный стол, заваленный бумагами, карандашами, тюбиками с краской. У другой — мольберты, некоторые с натянутыми холстами, некоторые пустые.

Но больше всего Анну поразили окна. Они занимали почти всю южную стену, от пола до потолка. И за ними было озеро. Не вид на озеро. Сам озеро, как живое существо, которое вошло в дом и стало его частью.

«На втором этаже — спальня и ванная», — сказал Карло. «Есть все необходимое. Еда в холодильнике. Вино в погребе. Если что-то понадобится — звоните. Мой номер на столе».

Он кивнул, вышел, закрыл дверь.

Тишина.

Не просто отсутствие звуков. Плотная, бархатная тишина, которая обволакивала, как вода. Анна стояла посреди комнаты, слушая эту тишину. Слушая собственное дыхание. Стук сердца.

Она подошла к окну. Приложила ладони к стеклу. Оно было холодным несмотря на то, что в комнате было тепло. Как будто озеро сохраняло свою прохладу даже через преграду.

«Что я здесь делаю?» — спросила она вслух.

Тишина не ответила. Только озеро медленно дышало где-то внизу.

Первые дни прошли в ритуалах привыкания.

Утро начиналось с кофе на маленькой террасе, выходящей в оливковую рощу. Анна научилась пользоваться старинной кофемашиной, которая шипела и булькала, как живое существо. Кофе получался крепким, горьким, именно таким, каким он должен быть.

Потом — прогулка. Сначала по тропинке к озеру. Потом — дальше, по береговой дороге. Она открыла для себя маленькую бухту с каменным пирсом, где старики ловили рыбу, не обращая на нее внимания. Деревню в двух километрах, где в единственном баре подавали пасту, от которой хотелось плакать от счастья.

Днем она возвращалась в мастерскую. Садилась за стол. Брала карандаш. Пыталась рисовать.

И ничего не получалось.

Руки не слушались. Глаза видели, но не понимали. Она смотрела на озеро, на горы, на свет, который менялся каждый час, и чувствовала себя слепой. Как будто между ней и миром встала невидимая стена.

На третий день она разозлилась. Схватила лист бумаги, скомкала, швырнула через всю комнату. Потом еще один. И еще.

И тогда она села на пол, прислонилась спиной к стене и заплакала. Не от отчаяния. От ярости. Ярости на себя, на свою беспомощность, на эту прекрасную, безразличную природу, которая не давала ей того, что она искала.

Плача, она смотрела на озеро. И постепенно слезы прекратились. Гнев ушел. Осталась только усталость. И странное, почти мистическое понимание.

Она пыталась творить извне. Как будто искусство было чем-то, что можно взять у мира и перенести на бумагу. Но настоящее творчество рождается изнутри. Из той пустоты, которую она так боялась.

Она встала. Подошла к мольберту. Взяла уголь.

И начала рисовать не озеро. Себя. Такую, какой чувствовала себя в этот момент. Разбитую. Пустую. Готовую.

Ночью пришел первый сон.

Она стояла на берегу озера, но вода была не зеленой, а черной, как чернила. И из нее поднимались фигуры. Женские фигуры, обнаженные, с кожей, покрытой чешуей вместо волос. Они выходили на берег, окружали ее, касались хо-

лодными, скользкими руками.

«Мы ждали тебя», — говорили они одним голосом, который звучал как шелест воды о камни. «Ты наша сестра. Та, что забыла, кто она».

Одна из фигур поднесла к ее лицу руку. На ладони лежала жемчужина. Не белая. Черная, как вода.

«Возьми. Это твое отражение. То, что ты боишься увидеть».

Анна протянула руку. Коснулась жемчужины.

И проснулась.

Было еще темно. Луна висела над озером, отбрасывая на воду серебристую дорожку. Она встала, подошла к окну. Тело дрожало, но не от холода. От чего-то другого. От узнавания.

Она знала этих женщин. Они были частью ее. Частью, которую она отрицала. Дикой, первобытной, нецивилизованной.

«Та, что забыла, кто она».

Она разделась. Стояла обнаженной перед огромным окном. Луна освещала ее тело, превращая кожу в мрамор, в серебро, в нечто нечеловеческое.

И она начала танцевать.

Не тот танец, которому учили в студии. Нечто другое. Древнее. Животное. Движения бедер, которые были не эротичными, а ритуальными. Руки, которые не украшали, а заклинали. Голова, запрокинутая назад, горло открытое, уязвимое.

Она танцевала для луны. Для озера. Для тех женщин из сна. Для себя, которую только начинала узнавать.

И когда танец закончился, она упала на пол, дыша тяжело, всем телом чувствуя каждый удар сердца. И поняла: вот оно. Начало.

Утром пришло письмо от Виктора. Не электронное. Настоящее, на плотной бумаге, с восковым гербом.

«Дорогая Анна,

Надеюсь, озеро принимает вас хорошо. Иногда оно бывает

капризным, как живое существо. Но я уверен, что вы найдете с ним общий язык.

Не торопитесь творить. Дайте себе время просто быть. Наблюдать. Чувствовать. Искусство придет, когда перестанешь его ждать.

Я буду в Милане на следующей неделе. Если захотите встретиться — дайте знать Карло. Если нет — я пойму.

С уважением, Виктор»

Она перечитала письмо несколько раз. Искала скрытые смыслы, указания, требования. Не нашла. Только... заботу? Или это была другая форма контроля — контроль через отсутствие контроля?

Она положила письмо на стол. Рядом лежали ее рисунки. Десятки набросков, сделанных за последние дни. Не пейзажи. Фигуры. Ее собственное тело в разных позах. Иногда реалистичные. Иногда искаженные, почти абстрактные.

Она взяла один из рисунков. На нем была женщина, стоящая на краю обрыва. Не она. Кто-то другой. Но с ее лицом. Или с тем лицом, которое могло бы быть ее, если бы...

Телефон зазвонил. Максим.

«Анна? Как ты?»

Его голос звучал далеким. Не физически. Эмоционально. Как будто он звонил не ей, а тому воспоминанию о ней, которое хранил у себя в голове.

«Хорошо. Озеро прекрасно».

«Скучаю по тебе». Пауза. «Когда вернешься?»

«Не знаю. Месяц, наверное».

«Месяц...» Он вздохнул. «Это долго».

«Тебе нужно что-то?»

«Нет. Просто... хотел услышать твой голос». Еще одна пауза, более неловкая. «Ты изменилась. Даже по голосу слышно».

«Люди меняются».

«Не так быстро. Не без причины». Он помолчал. «Этот... коллекционер. Он там?»

«Нет. Я одна».

«Хорошо. Это... хорошо».

Но в его голосе не было уверенности. Была тревога. Тревога человека, который чувствует, что теряет что-то, но не понимает, что именно.

Они поговорили еще несколько минут о пустяках. О работе. О погоде в Москве. О планах на будущее, которые уже казались нереальными, как сны другого человека.

Когда она положила трубку, в комнате снова воцарилась тишина. Но теперь она была другой. Не мирной. Напряженной. Как будто телефонный разговор разорвал что-то хрупкое, что начало формироваться между ней и этим местом.

Она подошла к мольберту. Взяла кисть. Краски.

И начала писать.

Не думала. Не планировала. Просто позволяла руке двигаться, краске — течь, образам — рождаться из того темного места, куда не доходил свет сознания.

Картина рождалась сама. Как ребенок, который решает, когда ему появиться на свет.

Сначала были только цвета. Синие, зеленые, черные. Потом формы. Изгибы. Тени. И постепенно из этого хаоса начало проявляться лицо.

Не ее лицо. И не чье-то конкретное. Лицо женщины, но такой, какой женщина могла бы быть, если бы сбросила все маски. Все ожидания. Все «должна».

Глаза — слишком большие, почти занимающие половину лица. Рот — полуоткрытый, как будто в середине слова, или вдоха, или крика. Волосы — не волосы, а что-то вроде водорослей, или корней, или щупалец.

Анна писала сутки. Не ела. Не спала. Только пила воду и иногда вино. И писала. Как одержимая. Как та, кого посетило божество, или демон, или и то, и другое одновременно.

На вторые сутки она отступила от мольберта. Посмотрела.

И испугалась.

Не потому, что картина была плохой. Потому, что она была слишком... правдивой. В ней было что-то обнаженное. Не

в физическом смысле. В духовном. Как будто она вывернула наизнанку свою душу и повесила на всеобщее обозрение.

Она накрыла картину тканью. Вышла из дома.

Был вечер. Солнце садилось за горы, окрашивая небо в цвета, которых не бывает в городе. Оранжевый, переходящий в фиолетовый. Розовый, который был почти красным. И над всем этим — первая звезда.

Она пошла к озеру. Спустилась по каменным ступеням к маленькому причалу. Села на край, опустила ноги в воду.

Вода была холодной. Шок от этого холода прошел по всему телу, заставив вздрогнуть. Но она не убрала ноги. Позволила холоду проникнуть в кожу, в мышцы, в кости.

И тогда она поняла, что плачет.

Тихими, беззвучными слезами, которые текли по щекам и падали в воду, растворяясь в ней без следа.

О чем она плакала? О потере себя старой? О страхе перед собой новой? О том одиночестве, которое было ценой свободы?

Или просто потому, что иногда тело должно плакать, чтобы душа могла дышать?

Она не знала. Знало только ее тело, которое продолжало плакать, пока слезы не кончились сами собой.

Темнота опустилась быстро. Над озером зажглись огни на противоположном берегу. Желтые точки в фиолетовой мгле.

Она вытащила ноги из воды. Они были холодными, почти онемевшими. Но когда она встала, то почувствовала странную легкость. Как будто что-то тяжелое ушло вместе со слезами.

Она вернулась в дом. Не зажгла свет. Прошла в мастерскую. Сняла ткань с картины.

При лунном свете, падающем из окна, картина выглядела иначе. Не страшной. Прекрасной. Трагически прекрасной, как все истинное.

Она села на пол перед мольбертом. Смотрела на свое творение. На эту женщину с глазами-безднами и ртом, застывшим в вечном «почти».

«Кто ты?» — спросила она картину.

И в тишине ночи ей показалось, что картина отвечает:

«Я — та, кем ты становишься. И та, кем ты боишься стать. Я — твой выбор. И твоя судьба. Я — начало. И конец».

Анна закрыла глаза. Прижала ладони к груди, где билось сердце. Быстро. Громко. Как будто пыталось вырваться из клетки ребер.

«Я готова», — прошептала она. Не зная, кому. Может быть, картине. Может быть, озеру. Может быть, тем женщинам из сна.

А может быть, просто себе.

Потому что иногда единственный способ услышать правду — это сказать ее вслух. Даже если никто, кроме тебя, ее не услышит.

Утром она проснулась от стука в дверь. Карло стоял на пороге с корзиной в руках.

«Синьора, привез провизию. И... письмо».

Он протянул конверт. Тот же плотная бумага, тот же вос-

ковой герб. Но на этот раз адрес был написан другим почерком. Женским.

Анна открыла конверт. Внутри — одна фотография и записка.

Фотография была старой, черно-белой. На ней — женщина лет тридцати, стоящая на том же самом причале, где Анна сидела вчера. Она была обнаженной. Но не в эротической позе. Просто... естественной. Как будто нагота была для нее таким же естественным состоянием, как дыхание.

Записка: «Она жила здесь в 1973 году. Звали ее Елена. Она была художницей. И, как и вы, искала себя. Нашла ли? Не знаю. Но она оставила эту фотографию. И еще кое-что. Спросите Карло про пещеру. — В.»

Анна подняла глаза. Карло смотрел на нее с каким-то странным выражением — смесью грусти и уважения.

«Вы знали ее?» — спросила Анна.

«Да. Она была... особенной». Он помолчал. «Вы похожи на нее. Не внешне. Внутри».

«Что случилось с ней?»

Карло вздохнул. «Она ушла. Однажды утром просто ушла. Оставила все свои картины. Одежду. Даже паспорт. Исчезла».

«Куда?»

«Кто знает? Может, в озеро. Может, в горы. Может, просто в другую жизнь». Он посмотрел на фотографию в ее руках. «Она говорила, что нашла пещеру. Место, где можно встретиться с... с собой настоящей».

«Вы знаете, где эта пещера?»

«Да. Но туда опасно ходить одному. Особенно... женщине».

«Почему?»

«Потому что пещера показывает то, что ты боишься увидеть. А женщины... женщины видят больше, чем мужчины».

Анна посмотрела на фотографию. На эту женщину, которая сорок лет назад стояла на том же месте, глядя на то же озеро, задавая, наверное, те же вопросы.

«Отведите меня туда», — сказала она.

Карло покачал головой. «Не могу. Это... не мое место».

«Тогда скажите, где она».

Он помолчал. Потом кивнул. «Хорошо. Но помните: то, что вы там найдете, может изменить вас. Навсегда».

«Я уже изменилась», — сказала Анна. И поняла, что это правда.

Она больше не была той женщиной, которая приехала сюда неделю назад. Та женщина боялась. Эта — нет. Эта женщина хотела знать. Хотела видеть. Даже если то, что она увидит, будет страшным.

Карло описал дорогу. По тропинке вдоль берега, потом вверх по склону, к старой оливковой роще. Там, среди камней, будет вход. Маленький, почти незаметный.

«Она ждет вас», — сказал он на прощание. И Анна не была уверена, говорит ли он о пещере, или о той женщине с фотографии, или о какой-то другой части ее самой.

Она осталась одна. С фотографией в руках. С картиной,

которая смотрела на нее с мольберта. С озером, которое дышало за окном.

И с решением, которое уже было принято.

Завтра она пойдет в пещеру.

Потому что иногда единственный способ найти ответ — это войти в самое темное место.

И посмотреть, что светит там, в глубине.

Утро было серым, влажным. Небо висело низко, почти касаясь верхушек кипарисов. Анна вышла из дома без плана, без цели. Только с фотографией Елены в кармане и указаниями Карло в голове.

Тропинка вдоль берега оказалась круче, чем она ожидала. Камни были скользкими от утренней росы. Она шла медленно, чувствуя каждый шаг, каждый вдох. Воздух пах мокрой землей, гниющими листьями и чем-то еще — металлическим, как кровь.

Через полчаса она нашла поворот. Маленькая, почти незаметная тропка уходила вверх, в заросли оливковых деревьев. Самые старые из них были искривленными, скрюченными,

как будто застывшими в вечной агонии.

Она начала подъем. Ноги дрожали от напряжения. Руки цеплялись за камни, за корни. И с каждым шагом она чувствовала, как что-то внутри сжимается. Не страх. Что-то другое. Ожидание. Предвкушение.

И вот она увидела вход.

Не величественную арку, а просто щель между двумя огромными валунами. Темную, узкую, едва достаточную, чтобы протиснуться.

Анна остановилась. Прислушалась.

Тишина. Но не та мирная тишина озера. Глубокая, плотная, как будто сама земля затаила дыхание.

Она достала фонарик. Включила. Луч света пронзил темноту, но не рассеял ее. Только подчеркнул, насколько она непроницаема.

«Я готова», — повторила она про себя. Но на этот раз слова звучали не как утверждение, а как вопрос.

Она сделала шаг вперед.

Пещера оказалась не темной. Вернее, не только темной. Стены были покрыты чем-то, что светилось слабым фосфоресцирующим светом. Зеленоватым, призрачным. Как будто сама каменная плоть земли была живой и дышала этим странным светом.

Анна шла медленно, осторожно. Пол был неровным, покрытым лужами воды. Звук ее шагов отражался от стен, превращаясь в многоголосое эхо, которое казалось чужим, не ее.

Чем дальше она углублялась, тем сильнее менялось ощущение пространства. Стены то сходились, почти касаясь ее плеч, то расходились, открывая огромные залы, где свет фонарика терялся в высоте.

И везде — рисунки.

Не современные. Древние. Выцарапанные на камне рукой, которая принадлежала не просто другому времени, а другому виду сознания. Фигуры животных. Людей. Символы, которые не имели аналогов в известных ей алфавитах.

Она остановилась перед одним изображением. Женщина. Но не просто женщина. Существо с грудями, как у женщины, и фаллосом, как у мужчины. Андрогин. Или нечто большее.

Существо, которое содержало в себе все возможности пола, все формы желания.

Ее рука потянулась к камню. Коснулась. И...

Вспышка.

Не света. Ощущений. Как будто через прикосновение к камню она прикоснулась к тому, кто создал этот рисунок. К его страху. Его желанию. Его пониманию мира, которое было одновременно примитивным и бесконечно мудрым.

Она отдернула руку. Дышала тяжело, как после бега.

«Что это?» — прошептала она.

Эхо вернуло вопрос, искаженный, превращенный в нечто похожее на смех.

Она пошла дальше.

Пещера вела вниз. Все глубже и глубже. Температура падала. Воздух становился влажным, тяжелым. И пах... пах морем. Хотя до моря было километров сто.

И тогда она увидела озеро.

Не то, что было снаружи. Подземное озеро. Вода была абсолютно черной, неподвижной, как полированный обсидиан. И над ним... свет.

Не фосфоресцирующий. Белый, чистый, исходящий из самой воды. Или из того, что было под водой.

Анна подошла к краю. Посмотрела вниз. Увидела свое отражение. Но не то, которое видела в зеркале. Другое. Лицо было ее лицом, но глаза... глаза смотрели на нее с таким знанием, с такой печалью, что она отшатнулась.

«Ты пришла».

Голос. Женский. Но не извне. Изнутри. Из ее собственной головы. Или из того места, где граница между внутренним и внешним уже не имела значения.

Анна обернулась.

В свете подземного озера стояла женщина. Та самая, с фотографии. Елена. Но не старая. Молодая. Такая, какой была в 1973 году. Обнаженная. И светящаяся изнутри тем же светом, что и вода.

«Я ждала тебя», — сказала Елена. Ее губы не двигались. Слова рождались прямо в сознании Анны.

«Ты... настоящая?»

«Что такое настоящее?» Елена улыбнулась. Улыбка была печальной, бесконечно уставшей. «Я — воспоминание. Отпечаток. Эхо женщины, которая искала то же, что и ты».

«Что ты нашла?»

«Себя. И потеряла себя. Это одно и то же». Елена сделала шаг вперед. Ее тело было совершенным. Но не в смысле красоты журнальных моделей. Совершенным, как совершенна река, или гора, или шторм. Сила, которая не нуждается в одобрении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.